

Виктор Малашенков

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ ПОРОГА

повести и рассказы

18+

Виктор Малашенков

Последний Хранитель порога

<https://litres.ru/74088321>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывается за гранью привычного мира? И кто стоит на страже дверей, которые никогда не должны открываться?

В этот сборник вошли фантастические и мистические истории о людях, столкнувшихся с древними тайнами, загадочными артефактами и силами, существующими вне человеческого понимания. Герои рассказов оказываются перед выбором, от которого зависит не только их судьба, но порой и будущее целых миров.

Центральная повесть «Последний Хранитель порога» переносит читателя в недалёкое будущее, где высокие технологии соседствуют с древней магией. После гибели тайного ордена начинают разрушаться печати, удерживающие нечто опасное за пределами реальности.

Мистика и научная фантастика, древние легенды и современные технологии, напряжённые приключения и философские вопросы создают атмосферу, которая не отпускает до последней страницы.

Для любителей загадок, таинственных миров и умной фантастики с элементами мистики.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Последний Хранитель порога

Глава

Пепел и тишина

Башня горела неправильно.

Это был первый признак того, что происходящее не укладывается ни в один из законов физики — ни старых, ни обновлённых. Пламя не поднималось вверх. Оно падало. Медленно, почти задумчиво, огонь стекал по каменным стенам вниз, как расплавленное золото по краям свечи, и впитывался в землю, не оставляя даже пепла. Небо над башней оставалось совершенно чёрным — не ночным, а именно чёрным, как экран отключённого монитора. Никаких звёзд. Никаких облаков. Просто отсутствие.

Морра сидела на ветке дуба в двадцати метрах от башни и наблюдала.

Она была кошкой. Чёрной, разумеется — потому что в мире, где мистика существует, она обязана следовать хотя бы базовому дресс-коду. Возраст её не поддавался исчислению обычными методами. Люди пробовали разное: кольца на дереве, радиоуглеродный анализ, квантовую датировку по фазовым сдвигам клеточной памяти — последнее изобрели как

раз в этом веке, и Морра находила это особенно трогательным. Результаты всегда были одинаковы: «погрешность измерения превышает результат». Проще говоря — очень старая.

Внутри башни умирал Орден.

Это не было метафорой. Последние три ведьмы — Хелла, Сора и та, чьё имя запрещено было произносить даже в мыслях, — сгорали вместе со своими книгами, артефактами и всеми теми маленькими секретами, которые ордена копят столетиями и никогда не раскрывают посторонним. Морра слышала их голоса ещё несколько минут назад. Теперь — тишина.

Тишина тоже была неправильной.

Лес должен был шуметь. Ветер — если не выть, то хотя бы слегка вздыхать. Где-то вдалеке должна была ехать автоматическая фура по трассе, или гудеть дрон с доставкой, или хотя бы пиликнуть чья-нибудь нейросеть, получив уведомление о скидке на кофе. XXII век — шумное время. Но здесь, у горячей башни, царила тишина такого качества, которое бывает только в двух местах: в операционной и на краю катастрофы.

Морра знала — это второе.

Она ощутила это раньше, чем увидела: тонкую вибрацию в воздухе, как натянутая струна перед тем, как лопнуть. Печати, которые Орден поддерживал семьсот лет, разрушились за последние сорок минут. Одна за другой, как лампочки в

старой гирлянде, когда перегорают первая. Сначала Северная. Потом Восточная. Потом сразу три Центральных — видимо, зло тоже умеет работать в режиме многозадачности.

Морра прикрыла глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками, которые в темноте светились достаточно ярко, чтобы читать при них мелкий шрифт. Она попыталась нащупать Порог — то место между мирами, которое она охраняла дольше, чем существовала сама идея охраны.

Порог треснул.

Не весь. Не сразу. Скорее — как стекло, в которое бросили камень: центр ещё держится, но трещины уже разбегаются к краям с нехорошей скоростью. Морра почувствовала, как с той стороны кто-то — или что-то — прикоснулось к трещине изнутри. Осторожно, почти ласково. Как ребёнок, который проверяет, не горячо ли.

Горячо не было. Было очень, очень холодно.

Башня догорала. Точнее — дотекала. Последний огонь впитался в землю, и стены рухнули внутрь с таким звуком, как будто кто-то очень тихо сказал «всё». Только пыль поднялась столбом — белая, почти светящаяся — и тут же осела, словно постеснялась.

Морра прыгнула с ветки.

Три шага по траве, которая не мялась под её лапами — ещё одна привилегия очень старого хранителя. Она остановилась у того места, где раньше был вход в башню. Теперь здесь был только остывающий пепел и запах — сложный,

многослойный, как библиотека после пожара: горелая бумага, воск, что-то металлическое и сладкое одновременно.

И ещё — что-то новое. Что-то, чего здесь быть не должно. Запах пробуждения.

Морра не паниковала. Паника — это для тех, кто ещё верит, что кричать поможет. После семи веков на страже начинаешь относиться к катастрофам с некоторой философской дистанцией. Всё уже было. Всё уже горело. Порог уже трескался — и каждый раз его чинили. Правда, каждый раз — всё большей ценой.

Она развернулась и пошла на запад. В город.
Нужен был человек.

Город без магии

Лев Серов просыпался каждую ночь в 3:17.

Не в 3:16. Не в 3:18. Именно в 3:17 — с точностью, которая начала его беспокоить примерно на третьей неделе и окончательно вывела из равновесия на второй месяц. Он даже завёл таблицу в телефоне. Семнадцать записей подряд: «3:17». Восемнадцатая тоже была «3:17», но Лев поставил рядом с ней три вопросительных знака и значок черепа — для выразительности.

Невролог сказал: циркадный ритм, стресс, возможно, дефицит магния.

Лев принимал магний. Это не помогало. Зато помогало чувствовать себя человеком, который делает хоть что-то.

Ему было двадцать восемь лет. Он жил в Петербурге — не в том романтическом Петербурге с белыми ночами и Достоевским, а в том реальном, где белые ночи давно регулируются умными жалюзи, а вместо Достоевского в метро рекламируют нейросети для психологической поддержки. Работал он аналитиком данных в компании, которая помогала другим компаниям понять, почему их данные не говорят им того, что они хотят услышать. Работа была скучной ровно настолько, чтобы не уйти, и нескучной ровно настолько, чтобы не остаться навсегда. Идеальный баланс для человека, который ещё не решил, чего хочет от жизни.

Снились ему вещи, которые он не умел объяснить.

Не кошмары — нет. Лев бы предпочёл кошмары. Кошмары понятны: мозг перерабатывает тревогу, создаёт образы, утром просыпаешься с сердцебиением и идёшь пить кофе. Всё логично, всё описано в литературе. Его сны были другими. В них не происходило ничего страшного. В них просто было место.

Каждую ночь — одно и то же место.

Высокие своды, сложенные из камня, который явно не знал ни одного современного строительного норматива. Запах воска и чего-то ещё — острого, почти электрического. Свет, который шёл неоткуда и освещал всё. И где-то в глубине — дверь. Не просто дверь: огромная, архаичная, окованная металлом с узорами, которые Лев пытался запомнить и каждый раз забывал при пробуждении. Дверь была закрыта.

Но за ней что-то двигалось.

Лев никогда не подходил к двери. Во сне он знал: подходить не надо. Это было не страхом — это было знанием, глубоким и безапелляционным, как таблица умножения.

Днём он не думал об этом. Почти.

Думать мешали зеркала.

Началось это три недели назад — примерно тогда же, когда возникли ночные пробуждения, хотя Лев долго отказывался связывать одно с другим. Просто иногда, краем глаза, он видел в зеркале что-то не то. Не монстра, не чужое лицо — просто своё, но чуть-чуть сдвинутое. Как будто отражение реагировало на долю секунды позже, чем должно. Или — и эта мысль была хуже — реагировало на что-то другое.

Он сказал об этом неврологу.

Невролог сказал: зрительная усталость, стресс, возможно, дефицит витамина D.

Лев начал принимать витамин D.

Помогло ровно так же, как магний.

Сегодня был вторник. Лев сидел в своей квартире на шестом этаже, ел невыразительную лапшу из пакетика — не потому, что не мог приготовить нормальную еду, а потому что было девять вечера и лень было тратить усилия на ужин, который всё равно будет съеден в одиночестве, — и смотрел в окно. За окном светился город. XXII век выглядел примерно так, как его и представляли в кино XX века: много стекла, много света, летающих машин меньше, чем обещали, зато

беспилотников больше, чем кто-либо хотел. Где-то далеко над крышами мигал навигационный огонь грузового дрона. Небо было цвета слабого чая.

Шёпот появился в половине десятого.

Лев сначала решил, что это соседи. Стены в доме были умными, шумоизолирующими, самовосстанавливающимися — и тем не менее иногда пропускали чужие разговоры, особенно если кто-то говорил в определённой тональности. Он прислушался.

Нет. Это было не за стеной. Это было... нигде. Или везде. Тихий, равномерный звук — не слова, скорее интонация слов. Как будто кто-то произносил что-то важное на языке, который Лев когда-то знал, но давно забыл. Он повернул голову. Шёпот переместился вместе с поворотом — остался где-то сзади, за левым плечом.

Лев поставил лапшу на стол.

Встал.

Прошёлся по квартире, заглянул в ванную, проверил окна. Всё закрыто. Никого. Тихо. Шёпот прекратился так же внезапно, как начался — словно кто-то нажал на паузу.

— Магний и витамин Д, — сказал Лев вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Лёг спать в одиннадцать. Проснулся в 3:17. Лежал в темноте, считая секунды и думая о двери из сна. Потом задремал снова.

А когда утром встал и пошёл на кухню поставить кофе —

на подоконнике сидела кошка.

Чёрная. С жёлтыми глазами, которые смотрели на него с выражением, которого у кошек быть не должно. Не «покорми меня». Не «я просто сижу». А примерно «ну наконец-то, я уже заждалась».

Окно было закрыто.

Выбор без выбора

Лев смотрел на кошку. Кошка смотрела на Льва.

Так прошло примерно сорок секунд — Лев знал точно, потому что машинально считал. Старая привычка аналитика: когда не понимаешь ситуацию, хотя бы измерь её.

— Ты не можешь здесь быть, — сказал он наконец.

Кошка моргнула. Медленно, с достоинством, как моргают существа, которые слышали подобное заявление уже несколько сотен раз и каждый раз находили его одинаково неубедительным.

— Шестой этаж, — добавил Лев, на случай если кошка не поняла аргумента с первого раза. — Окно закрыто. Это физически невозможно.

Кошка зевнула. У неё были очень белые зубы и очень розовый язык — всё остальное оставалось подчёркнуто чёрным, включая усы, что само по себе было некоторой генетической аномалией. Потом она спрыгнула с подоконника на пол, прошла мимо Льва, задев его лодыжку хвостом, и усеялась у кофемашины.

Это был, пожалуй, самый красноречивый намёк из всех, что Лев получал в своей жизни.

Он сварил кофе. Поставил вторую чашку — на пол, рядом с кошкой, потому что в холодильнике не было молока, а предлагать кошке чёрный эспрессо казалось жестоким. Кошка посмотрела на пустую чашку, потом на Льва, потом снова на чашку — с таким выражением, что Лев почувствовал себя официантом, перепутавшим заказ.

— Извини. Молока нет.

Кошка вздохнула. Натурально, по-человечески — медленный выдох через нос с опусканием ушей. Потом встала, прошла в гостиную и запрыгнула на диван.

Лев сел напротив, обхватил чашку обеими руками и устался на незваную гостью.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим.

Он был аналитиком. Его работа состояла в том, чтобы принимать необъяснимые данные и искать в них повторяющиеся ситуации. Имеющиеся данные: кошка на закрытом шестом этаже, многие недели нарушенного сна, шёпот в пустой квартире, зеркала с задержкой. Повтор пока не просматривался, но Лев чувствовал — он где-то рядом. Как ответ в задаче, который уже почти виден, но ещё прячется за углом.

— Ты что-нибудь знаешь про мои сны? — спросил он.

Кошка посмотрела на него долгим немигающим взглядом.

— Про дверь?

Левое ухо кошки слегка повернулось. Один градус. Может быть, два.

— Понятно, — сказал Лев, хотя ничего не было понятно.

Он допил кофе, принял душ, оделся — кошка наблюдала за каждым его движением с той непрерывной сосредоточенностью, которая у людей считалась бы неприличной, а у кошек почему-то называется «характером». Лев попытался работать. Открыл ноутбук, вызвал рабочий интерфейс, установился в таблицу с данными о потребительских запросах клиента из пищевой промышленности.

Данные смотрели в ответ совершенно бессмысленно.

Кошка запрыгнула на стол и села прямо на таблицу. Точнее — на проекцию таблицы, потому что ноутбук был голографическим, и физически она сидела на столешнице, но визуально — прямо поверх столбца с показателями третьего квартала.

— Это не поможет, — сказал Лев.

Кошка положила лапу на его запястье.

И вот тут произошло то, чего Лев не ожидал.

Не потому, что лапа была тёплой — хотя она была неожиданно тёплой, почти горячей. И не потому, что прикосновение было странным по текстуре — гладким и одновременно как будто слегка вибрирующим, как провод под напряжением. А потому что в момент прикосновения Лев совершенно отчётливо увидел — не вспомнил, не представил, а именно увидел — ту самую дверь.

Не во сне. Наяву. Прямо перед собой, поверх голографической таблицы и кошки, и стены с полкой книг. Дверь стояла в его гостиной как ни в чём не бывало — огромная, тёмная, с узорами из металла, которые он столько раз пытался запомнить и не мог. Теперь он видел их отчётливо: не просто орнамент, а что-то функциональное, как плата управления, как схема. Каждая линия шла куда-то и что-то означала.

Видение длилось секунды три. Потом кошка убрала лапу — и дверь исчезла.

Лев долго смотрел на пустую стену.

— Ладно, — сказал он наконец голосом человека, который принял решение, которое ему не нравится, но деваться некуда. — Ладно. Что мне нужно делать?

Кошка спрыгнула со стола. Подошла к входной двери. Обернулась.

— Выйти? — уточнил Лев.

Кошка не ответила — она была кошкой, и разговорный жанр был явно не её форматом. Но смысл был ясен.

Они вышли.

Морра вела его через город. Не быстро — она шла впереди, иногда останавливалась, чтобы Лев успел перейти дорогу или не налетел на автоматический столб уличного освещения, который выдвинулся некстати. Лев шёл за ней и думал, что со стороны это, должно быть, выглядит совершенно нормально: человек гуляет с кошкой. В XXII веке люди гуляли с кем угодно — с собаками, с роботизированными пи-

томцами, с голографическими компаньонами. Кошка была даже как-то консервативно.

Странности начались на набережной.

Лев увидел их краем зрения сначала — тени, которые падали не туда. Потом — рябь на воде, которая шла против ветра. Потом — мужчина в пальто, который стоял у парапета и смотрел в реку. Ничего особенного, если бы не одно: сквозь него просвечивал фонарь.

Лев остановился.

— Это... нормально? — спросил он у кошки.

Морра обернулась. Посмотрела на мужчину у парапета. Потом на Льва. В её взгляде читалось что-то, что у людей называется «ну вот, началось».

— То есть раньше я этого не видел, — сказал Лев. — А теперь вижу. Потому что ты что-то со мной сделала.

Кошка отвернулась и пошла дальше.

— Отличная коммуникация, — пробормотал Лев и пошёл следом.

Они шли ещё минут двадцать. Город постепенно менялся — умные фасады сменились обычными, потом старыми, потом совсем старыми. Лев понял, что они забрались в один из тех районов, куда реновация ещё не добралась — или добралась, но передумала. Здесь пахло сыростью и старым камнем, и фонари светили не умным белым светом, а желтоватым, тёплым, почти историческим.

Морра остановилась у облупленной стены.

Лев остановился рядом. Посмотрел на стену. Обычная стена. Потрескавшаяся штукатурка, старый кирпич, пятно от когда-то висевшей вывески.

— И?

Кошка села и стала смотреть на стену с таким сосредоточенным видом, что Лев тоже поневоле уставился туда же.

Сначала ничего. Потом — что-то. Едва заметное дрожание воздуха у поверхности, как марево над разогретым асфальтом, только холодное. Лев шагнул ближе. Дрожание усилилось. Он протянул руку — и пальцы ощутили что-то вроде сопротивления там, где никакого сопротивления быть не должно. Как будто воздух здесь был чуть другим. Чуть более настоящим, что ли.

— Что это? — спросил он.

И тут произошло то, чего он совсем не ожидал.

Он произнёс слова.

Не по своей воле — или, скорее, по своей, но не осознанно. Они просто вышли, как выходит имя знакомого человека, которого неожиданно встречаешь на улице — раньше, чем успеваешь подумать. Короткая фраза на языке, которого он не знал. Шесть или семь слогов, жёстких, как удар кулаком по столу.

Стена дрогнула.

Лев отшатнулся. Посмотрел на свою руку — пальцы слегка светились. Бледным, почти незаметным светом, который, впрочем, был совершенно однозначным.

— Что. Это. Было?.. — произнёс он по слогам.

Морра смотрела на него. В её жёлтых глазах читалось что-то сложное — не удивление. Удивления не было. Было что-то похожее на облегчение, перемешанное с чем-то, что Лев не умел назвать, но что ему не понравилось.

Что-то похожее на сочувствие.

Тени прошлого

Руины ордена находились за городом.

Не в живописном «за городом» с соснами и запахом хвои, а в том унылом «за городом», которое бывает сразу после промышленной зоны: полоса бурьяна, бетонный забор с выцветшей предупреждающей разметкой, пара брошенных строительных модулей, которые кто-то когда-то собирался демонтировать, но так и не собрался. Умная карта в телефоне Льва показывала это место как «нежилая территория, тип — исторический объект, класс охраны — низкий». Последнее означало, что объект числился в реестре, но денег на его содержание не выделяли, и фактически он был предоставлен самому себе и энтузиастам с металлодетекторами.

Морра шла впереди, не оглядываясь.

Лев шёл следом и думал, что ещё неделю назад его жизнь была скучной, но зато понятной. Данные, таблицы, невролог, магний, лапша из пакетика. Чёткий, воспроизводимый цикл без неожиданных переменных. Теперь в его жизни была говорящая — нет, не говорящая, молчащая, но при этом со-

вершенно недвусмысленная — кошка, светящиеся пальцы и заклинание на неизвестном языке, которое он произнёс так естественно, как будто делал это каждый день.

Его внутренний аналитик подсказывал, что это тревожный паттерн.

Его внутренний здравый смысл предлагал вернуться домой.

Оба голоса он проигнорировал и пошёл дальше.

Руины открылись внезапно — за очередным бетонным забором с дырой, в которую Морра прошла не нагибаясь, а Лев протиснулся с некоторыми усилиями и ущербом для куртки. За забором начинался другой воздух. Буквально: Лев почувствовал это в тот момент, когда перешагнул невидимую границу. Снаружи было обычное петербургское утро — влажное, прохладное, пахнущее рекой и выхлопами. Внутри было тихо и сухо, и пахло чем-то старым — не затхлым, а именно старым, как в музее, где хранят вещи, которые помнят другие эпохи.

Башни не было.

Вернее — была, но в виде фундамента и нескольких рядов кладки высотой по пояс. Камень был тёмным, почти чёрным — и Лев не сразу понял, что это не цвет породы. Это были следы огня, только странного: не копоть, а что-то более глубокое, как будто сам камень был опалён изнутри. Трава вокруг не росла. Совсем. На расстоянии метра — зелёная, нормальная, живая. А у стен — голая земля, серая, как зола.

— Давно, — сказал Лев, имея в виду сразу всё.

Морра обошла периметр руин и остановилась у того места, где, судя по расположению камней, раньше был вход. Она обернулась и посмотрела на Льва с выражением «ну иди уже».

— Ты хочешь, чтобы я вошёл?

Кошка моргнула.

— Что там?

Кошка отвернулась.

— Понятно, — вздохнул Лев. — Стратегия «узнаешь на месте». Классика.

Он вошёл.

Внутри периметра воздух изменился ещё раз. Стал тяжелее — не в смысле влажности или давления, а в каком-то другом смысле, который Лев не умел описать точными словами. Как будто здесь было больше прошлого, чем в других местах. Как будто время здесь лежало слоями, и каждый слой давил на следующий.

Он остановился посреди руин и огляделся.

Остатки стен образовывали неправильный прямоугольник. В нескольких местах из земли торчали ржавые металлические штыри — крепления для чего-то, чего уже не было. У дальней стены чернело пятно на земле: идеально круглое, диаметром около метра, с чёткими краями, как будто нарисованное.

Лев подошёл к нему, присел на корточки и осторожно

протянул руку.

Пальцы коснулись земли.

И мир исчез.

Не весь — не так грубо. Скорее — поверх него наложился другой. Как два изображения на одном экране, когда не до конца закрыл предыдущее окно: и то видно, и это. Лев по-прежнему стоял на коленях в руинах, чувствовал холодную землю под пальцами и слышал отдалённый городской шум. Но одновременно — видел башню.

Живую башню.

Высокую, тёмную, с узкими окнами, из которых лился тёплый свет. Вокруг неё стояли люди — много, не меньше двадцати. Лев видел их силуэты, чувствовал их присутствие, как чувствуешь толпу с закрытыми глазами — по теплу, по дыханию, по общему напряжению воздуха. Люди двигались быстро, почти бежали — не к башне, а от неё. Нет, не от неё. Друг от друга. Это был не организованный отход. Это была паника.

Потом — вспышка.

Не световая — скорее информационная. Лев вдруг просто знал вещи, которых не знал секунду назад. Орден. Семьсот лет. Печати. Хранители. Слова, которые нужно было произносить каждое новолуние, чтобы то, что за Порогом, оставалось за Порогом. Он знал это так же уверенно, как знал таблицу умножения, и так же смутно понимал, откуда это знание взялось.

Потом пришёл звук.

Крики — короткие, обрывистые. Звон металла. Что-то низкое и ритмичное, что было не музыкой, но имело структуру музыки. И ещё — голоса, много голосов, читающих что-то в унисон, но не молитву. Что-то острее, функциональнее молитвы. Заклинание. Большое, сложное, требующее многих голосов одновременно.

Потом что-то щёлкнуло — громко, как лопнувший кабель под напряжением.

И башня начала гореть.

Лев наблюдал, как огонь течёт вниз — именно так, как он представлял это, когда Морра описывала ему... нет, подождите, Морра ничего ему не описывала. Морра вообще не разговаривала. Откуда он знает, как горела башня?

Он попытался сосредоточиться на видении, поймать детали. Лица — он хотел увидеть лица. Кто были эти люди? Кто кричал? Кто читал заклинание? Видение послушалось, как будто было интерактивным: картинка чуть повернулась, и Лев увидел группу людей у стены — пятеро, в тёмной одежде, без символов ордена. Они стояли отдельно от остальных. Они не бежали.

Они смотрели на башню спокойно.

Один из них повернул голову.

И Лев увидел лицо.

Своё лицо.

Не похожее на своё — именно своё. Те же скулы, тот же

прищур, та же привычка чуть опускать левый угол рта, которую ему однажды указала бывшая девушка и которую он после этого начал фиксировать в зеркале. Человек в видении смотрел на горящую башню — и молчал. И его молчание было не ужасом и не сочувствием.

Это было молчание человека, который знал, что так и будет.

Лев отдёргнул руку от земли.

Видение схлопнулось мгновенно. Остались только руины, холодный воздух и Морра, которая сидела в метре от него и смотрела с видом «ну что, посмотрел?».

Лев сел прямо на землю. Ноги не держали.

— Это был я, — сказал он.

Это было не вопросом.

Морра смотрела на него, и в её жёлтых глазах было что-то, что Лев теперь умел читать немного лучше: не отрицание, не подтверждение. Просто — «ещё не время».

— Это был я, — повторил Лев тише. — Там, у стены. Среди тех, кто... кто не помогал. Который просто стоял и смотрел, как всё горит.

Тишина.

Птица, которая где-то за периметром начала и бросила петь на полуноте.

— Ты собираешься мне объяснить это? — спросил Лев.

Морра медленно моргнула.

— Когда-нибудь. Понятно.

Он встал. Отряхнул колени. Посмотрел на то круглое чёрное пятно — и заметил, что по его краю идут символы. Маленькие, почти неразличимые, вдавленные в землю, как будто выжженные. Те же символы, что он видел на двери в своих снах. Те же, что были на стене вчера вечером.

И — только сейчас он это осознал — те же, что однажды снились ему в детстве. Очень давно. Так давно, что он почти забыл.

Почти.

Разлом

Трещина в реальности выглядела примерно так, как Лев и ожидал.

Нет, стоп. Он не ожидал ничего подобного. До двух недель назад он вообще не имел категории «трещина в реальности» в своём ментальном словаре. Там были категории «баг в данных», «нестандартная погрешность» и «это надо переделать с нуля» — но трещины в реальности там точно не было. Однако мозг человека — удивительно адаптивная штука: после светящихся пальцев, призрачного мужчины на набережной и собственного лица в историческом видении он как-то автоматически выработал ожидания относительно того, как выглядит паранормальное.

Реальность их не оправдала.

Лев ожидал чего-то драматического. Портала с огнём. Разрыва пространства с фиолетовым свечением по краям —

в кино это всегда фиолетовое, он проверял. На худой конец — воронки, водоворота, чего-нибудь, что оправдывало бы слово «разлом».

Трещина была похожа на трещину в стене.

Обычную, какие бывают в старых домах: вертикальная, неровная, чуть уже сверху и чуть шире снизу. Она шла по воздуху — не по поверхности, не по стене, а именно по воздуху, как будто воздух здесь был материалом, который лопнул от нагрузки. Длинной около двух метров. Края её были чёткими — неприятно чёткими, слишком правильными для случайного разрыва. И из неё не лилось никакого света, не вырывался ветер, не доносилось завывание потустороннего. Просто — темнота. Плотная, матовая, как бархат.

Морра остановилась в пяти метрах от трещины и дальше не пошла.

Это само по себе было информацией.

Они нашли разлом в трёх кварталах от руин — Морра привела его туда по маршруту, который петлял через дворы и пустыри так хаотично, что Лев заподозрил: кошка намеренно запутывала дорогу. Не для него — для кого-то другого. Или чего-то другого.

— Это и есть Порог? — спросил Лев.

Морра покачала головой. Настолько человеческим жестом, что Лев на секунду забыл, с кем разговаривает.

— Не сам Порог. Трещина в нём?

Кошка посмотрела на разлом, потом на Льва — и в этом

взгляде была такая концентрация смысла, что Лев почти поймал его. Почти. Как слово, которое крутится на языке и никак не приходит.

— Симптом, — сказал он наконец. — Это симптом. Порог разрушается, и это... вылезает наружу.

Морра закрыла глаза на секунду. Что в переводе с кошачьего, по опыту последних дней, означало «в целом верно, но не совсем».

Лев сделал шаг к трещине.

Морра не двинулась с места, но что-то в её позе изменилось — она стала плотнее, собраннее, как пружина перед броском.

— Я не буду её трогать, — сказал Лев. — Просто посмотрю.

Второй шаг.

Темнота за трещиной оставалась непроницаемой. Лев смотрел в неё и думал о том, что она не выглядит пустой. Пустота — это когда ничего нет. А здесь было ощущение чего-то, что есть, но не отражает свет. Разница тонкая, но существенная. Как разница между закрытой дверью и дверью, за которой кто-то стоит и не дышит.

Третий шаг.

И тут трещина заговорила.

Не словами — сначала. Просто звуком: низким, почти инфразвуковым гулом, который Лев почувствовал не ушами, а грудной клеткой. Потом — вибрацией в зубах. Потом —

в висках. И только потом, когда тело уже было полностью в курсе происходящего, мозг получил сигнал: это не просто гул. В этом гуле есть структура. Ритм. Почти синтаксис.

Это был язык.

Тот самый язык, на котором он произнёс заклинание у стены. Только теперь говорила не его память — говорила темнота.

— Я слышу тебя, — сказал Лев — и тут же мысленно закатил глаза на себя самого. Потому что это прозвучало как реплика из плохого мистического фильма, которых он в своё время посмотрел достаточно, чтобы знать: когда главный герой говорит «я слышу тебя» в сторону потусторонней темноты, следующие двадцать минут экранного времени, как правило, очень неприятны.

Темнота ответила.

Не голосом — образом. Прямо в голове, без перехода: огромное пространство, которое не было ни комнатой, ни улицей, ни лесом — просто пространством, где можно было стоять и дышать. В этом пространстве что-то двигалось медленно и очень уверенно, как двигаются вещи, которым некуда спешить, потому что они знают: они никуда не денутся. И это что-то транслировало — не словами, а прямым смыслом, минуя язык, — два понятия. Чётко, как рекламный баннер.

Сила. И — ответы.

Лев стоял и смотрел в темноту, и думал, что это очень нечестное предложение. Потому что из всего, что можно бы-

ло ему пообещать, именно эти два слова попадали точно в цель. Сила — ну допустим, к силе он был в целом равнодушен. Но ответы. Ответы на вопрос о его лице в том видении. На вопрос, откуда он знает язык, которого не учил. На вопрос, почему именно он просыпается в 3:17 и видит во сне дверь, которая существует в реальности.

Ответы — это было нечестно.

Он сделал ещё шаг.

— Лев.

Он остановился.

Не потому, что услышал предупреждение — Морра не могла говорить словами. Она не говорила словами. И тем не менее он абсолютно отчётливо услышал своё имя — произнесённое с интонацией человека, который видит, как кто-то идёт к краю, и пытается остановить его без лишнего шума, потому что резкое движение сейчас опаснее, чем тихий голос.

Он обернулся.

Морра сидела там же, где стояла. Но её глаза светились сильнее обычного — не мягким янтарём, а почти белым, острым светом. И вся её поза — каждый миллиметр напряжённого чёрного силуэта — говорила: стоп.

Лев посмотрел на свою руку.

Он уже почти касался края трещины. Кончики пальцев были в сантиметре от темноты — и они снова светились, но не так, как прошлый раз: не бледным, почти незаметным

мерцанием. Сейчас свет был ярче, и он пульсировал в ритм с гулом из разлома. Как будто что-то его тянуло. Как будто темнота уже протянула навстречу что-то невидимое — и почти дотянулась.

Лев медленно, очень медленно отступил на шаг.

Гул стал тише. Темнота за трещиной осталась тёмной, но образ — пространство с чем-то медленно движущимся — ещё несколько секунд держался на периферии сознания, как реклама, которую закрыл, но она всё равно осталась в памяти.

Сила. Ответы.

— Ты специально привела меня сюда? — спросил Лев у Морры. — Или это случайно?

Морра встала, потянулась по-кошачьи — передние лапы вперёд, спина дугой — и пошла прочь от разлома. Не быстро. Уверенно.

— То есть специально, — сказал Лев. — Зачем?

Кошка шла вперёд.

— Ты хотела посмотреть, как я среагирую? Это был тест? Никакой реакции.

— Или ты хотела, чтобы я это почувствовал? Чтобы понял, что там есть?

Морра остановилась. Обернулась через плечо. Посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом — таким, каким смотрят на человека, который задаёт правильные вопросы, но ещё не готов к ответам. Или, что хуже, — уже готов, но ты

сам ещё не решил, говорить ли правду.

Потом она пошла дальше.

Лев последовал за ней — и почти не обернулся на трещину.

Почти.

За его спиной гул стал чуть тише. А темнота за краями разлома — чуть темнее. Как будто что-то там поняло: на этот раз не получилось. И терпеливо убралось ждать следующего раза.

У тьмы было время. У тьмы всегда много времени.

Цена знания

Морра заговорила ночью.

Не словами — Лев уже понял, что слова не её формат. Она заговорила иначе: забралась на подоконник, уставилась в окно на ночной город и начала транслировать. Именно так это и ощущалось — как трансляция, как прямой сигнал, миновующий все промежуточные станции. Образы, смыслы, обрывки чужой памяти — всё это приходило ровным потоком, пока Лев сидел на диване с чашкой чая, которую заварил для успокоения нервов и которая давно остыла.

Он узнал про Порог.

Не всё — он чувствовал, что это не всё, что информация приходит дозированно, как внутривенная капельница: ровно столько, сколько выдержит организм, и ни капельки больше. Но достаточно, чтобы картина начала складываться из хаоса.

тичного набора деталей во что-то, имеющее форму. Пусть форма эта была неприятной — зато понятной.

Порог существовал столько же, сколько существовал мир. Или почти столько же — Морра была неточна в деталях, которые касались периода «до неё», что намекало на определённые пробелы даже в её многовековой памяти. Порог был не дверью и не границей в обычном смысле — скорее мембраной. Тонкой перегородкой между тем, что есть, и тем, чего быть не должно. Не злом в религиозном смысле — Морра при упоминании религии демонстрировала выражение вежливого скептицизма. Просто — другим. Чем-то, что существует по другим правилам и в чьи правила человеческий мир не вписывается от слова «совсем».

Орден держал Порог семь столетий.

Печати, ритуалы, хранители, ночные бдения в новолуние с заклинаниями на языке, который Лев теперь знал так же хорошо, как русский — это всё было системой жизнеобеспечения для мембраны, которая сама по себе держалась плохо. Как старая плотина: пока следишь — стоит. Перестал следить — вопрос времени.

Орден перестал следить три недели назад.

Вернее — орден перестал существовать. Это несколько меняло ситуацию.

— Хорошо, — сказал Лев, когда поток информации иссяк и Морра снова стала просто кошкой на подоконнике. — Я понял про Порог. Я понял про орден. Теперь объясни мне

ВОТ ЧТО.

Он поставил чашку на стол.

— Почему я?

Морра повернула голову от окна.

— Нет, серьёзно. В Петербурге четыре миллиона человек. В России — сто пятьдесят миллионов. На планете — одиннадцать миллиардов, и это если не считать лунные колонии, хотя там я бы тоже искал кандидатов, там люди со странностями. Почему из всего этого многообразия ты пришла ко мне?

Молчание.

— И не делай вид, что это случайность. Ты — существо, которое семь веков охраняло межмировую мембрану. Ты не делаешь ничего случайно.

Морра смотрела на него. В её взгляде что-то менялось — медленно, как меняется свет на закате: не скачком, а постепенным сдвигом тона. Лев научился читать эти сдвиги за несколько дней так же, как учишься читать настроение человека по микровыражениям. Сейчас в её взгляде была борьба — не с ним, с собой.

Она что-то решала.

— Ты можешь мне не говорить, — сказал Лев спокойно. — Ты можешь продолжать в своём стиле: намёки, образы, «сам догадайся». Но я аналитик. Я работаю с данными. И у меня уже достаточно данных, чтобы начать строить гипотезы. Мне кажется, тебе выгоднее, чтобы я строил их с твоей

помощью, а не сам.

Это был блеф наполовину. Гипотезы у него действительно были — и они ему не нравились.

Морра прыгнула с подоконника. Прошла через комнату и запрыгнула на диван рядом с ним. Это само по себе было необычно — обычно она держала дистанцию, наблюдала с расстояния, не допускала лишнего контакта. Сейчас она сидела в полуметре от него и смотрела прямо в глаза.

И снова — трансляция.

Но другая. Медленнее, тяжелее, как будто каждый образ давался с усилием.

Лев увидел: носитель. Человек, который несёт в себе часть силы ордена — не потому, что выбрал это, а потому что так сложилось в момент, который он не помнит, потому что в тот момент он не был собой. Или был, но другим собой. Цепочка перерождений — не в мистическом смысле, поправляла Морра, скорее в информационном: след, отпечаток, паттерн личности, который воспроизводится в новых носителях, потому что информация не исчезает, она только меняет форму. Физики XXII века это уже почти доказали, кстати — это квантовая теория личностной непрерывности, три года назад вышла статья в Nature, наделала шуму.

Лев об этой статье знал. Он тогда прочитал заголовок и решил, что это слишком абстрактно для его практического склада ума.

Теперь абстракция внезапно стала очень конкретной.

— Я — носитель силы ордена, — сказал он медленно, проверяя слова на вкус. — Потому что я — это продолжение кого-то из них. Информационный след.

Образ-подтверждение. Тёплый, почти сочувствующий.

— И поэтому только я могу закрыть Порог.

Снова подтверждение. Но с оговоркой — он чувствовал оговорку, как чувствуешь «но» в конце предложения ещё до того, как собеседник его произносит.

— Что за оговорка?

Морра отвела взгляд.

— Морра.

Кошка смотрела в стену.

— Что нужно сделать, чтобы закрыть Порог?

Долгая пауза. Потом — образ. Неохотный, как будто вырванный против воли: человек, стоящий у трещины. Тот же разлом, что они видели сегодня. Человек протягивает руку — и свет из его ладони идёт в темноту, не как удар, а как... заполнение. Как вода, которая заполняет трещину и замерзает. Трещина закрывается.

Человек остаётся стоять.

— Это не выглядит так страшно, — осторожно сказал Лев.

Морра повернулась к нему. И в её взгляде было что-то, что Лев видел у людей в очень конкретных ситуациях — у врачей, которые только что закончили говорить об анализах и ещё не начали говорить о прогнозе.

— Что остаётся от человека? — спросил Лев.

Молчание.

— Морра. Что остаётся?

Она закрыла глаза.

— Ничего?

Тишина была достаточно красноречивой.

Лев откинулся на спинку дивана. Посмотрел в потолок. Потолок был белым и совершенно неинформативным — что сейчас было даже хорошо. Ему нужна была поверхность без смысла, просто чтобы смотреть и думать.

— Значит, план такой, — сказал он наконец потолку. — Я — случайно оказавшийся аналитик данных, который является информационным слепком древнего мага, должен прийти к трещине в реальности и вложить в неё всего себя, чтобы она закрылась. После чего от меня ничего не останется. Я правильно понял?

Молчание.

— И ты пришла ко мне с этим предложением в шесть утра три недели назад, сидя на подоконнике закрытого окна.

Молчание.

— Это смелый подход к рекрутингу, надо сказать.

Морра открыла глаза. В них не было иронии — она не умела погружаться в иронию, это было привилегией существ, живущих достаточно мало, чтобы происходящее казалось им абсурдным. После семи веков всё становится закономерным. Но в её взгляде было что-то другое — сложное,

многослойное, как та тишина у горящей башни.

Сожаление. Настоящее, не декоративное.

— Ты сожалеешь, — сказал Лев. — Это интересно. Если бы у тебя не было выбора — ты бы не сожалела. Значит, выбор есть.

Морра смотрела на него — и молчала так, как молчат, когда сказать правду страшнее, чем промолчать.

Лев не стал дожимать. Он был аналитиком — он умел останавливаться там, где данных пока недостаточно, чтобы делать выводы. Вместо этого он взял остывший чай, сделал глоток, поморщился и поставил обратно.

— Ладно. Принято к сведению.

Он встал, пошёл на кухню ставить заново чайник.

В ванной, проходя мимо, бросил взгляд в зеркало — уже автоматически, проверяя задержку отражения. Задержки не было. Зато было кое-что другое: ворот его футболки сдвинулся чуть в сторону, и на ключице, там, куда обычно не смотришь, потому что это неудобный угол обзора — там был символ.

Маленький. Тёмный. Похожий на ожог или родимое пятно.

Точная копия одного из знаков на той двери из его снов.

Лев долго стоял перед зеркалом и смотрел на него. Потом аккуратно поправил ворот футболки. Пошёл на кухню. Налил кипяток в чашку.

— Морра, — позвал он негромко.

Кошка появилась в дверях кухни.

— Он был всегда?

Морра посмотрела на него долгим взглядом.

— То есть я с ним родился, — сказал Лев. — И ты это знала с самого начала. Ты пришла именно ко мне, потому что знала.

Морра медленно, очень медленно моргнула.

— Отлично, — сказал Лев и помешал чай. — Это всё объясняет и одновременно не объясняет ровным счётом ничего. Спасибо.

Он сделал глоток.

За окном шёл дождь. Умный дом предложил закрыть жалюзи — Лев отклонил предложение. Ему нравилось смотреть на дождь. Это было одно из немногих явлений, которые оставались совершенно понятными: вода падает сверху вниз, потому что гравитация. Никакой мистики. Никаких символов на коже. Просто вода и гравитация.

Он смотрел на дождь и думал, что в его жизни становится катастрофически мало вещей, объяснимых гравитацией.

Охотники

Они появились в четверг.

Лев понял это не сразу — сначала он решил, что просто стал параноиком. Что вполне объяснимо: если последние три недели твоей жизни включают в себя говорящую кошку, трещины в реальности и символ на собственной ключице, неко-

торый сдвиг в восприятии окружающего мира — это не паранойя, это адекватная реакция организма на новые условия.

Но в четверг это уже точно была не паранойя.

Первого он заметил в метро.

Мужчина стоял у противоположных дверей вагона и смотрел на Льва. Ничего особенного — люди смотрят друг на друга в метро постоянно, потому что смотреть больше некуда, а в телефон смотреть уже надоело. Но этот смотрел как-то не так. Без любопытства, без скуки, без той рассеянной пустоты, с которой обычные люди созерцают других обычных людей в общественном транспорте. Он смотрел с концентрацией. Профессиональной, почти хирургической.

И у него не было тени.

Лев заметил это на следующей станции, когда в вагон хлынул свет из тоннельного освещения и тени пассажиров резко обозначились на полу — короткие, чёткие, слегка смешные, как тени бывают в резком боковом свете. У всех были. У мужчины — нет. Там, где должна была лежать его тень, пол оставался просто полом.

Лев на следующей станции вышел.

Мужчина вышел тоже.

Лев поднялся по эскалатору быстро, почти бегом — на эскалаторе обгонять неудобно, пришлось пробираться между людьми с рюкзаками и колясками. Вышел на улицу. Обернулся.

Мужчина стоял внизу эскалатора и смотрел вверх. Не то-

ропился. Не двигался. Просто смотрел — с тем же хирургическим спокойствием. Потом медленно улыбнулся.

У него было слишком много зубов.

Лев не стал считать — он развернулся и пошёл быстро, почти бегом, петляя через дворы по маршруту настолько хаотичному, что сам запутался бы, если бы не включил навигацию. В кармане завибрировал телефон: уведомление от умного дома, что кто-то позвонил в дверь его квартиры. Он открыл камеру.

На пороге стояла женщина.

Тоже без тени. Тоже смотрящая прямо в объектив камеры — как будто знала, где он.

Лев написал сообщение в пустой чат, который завёл специально на случай, если Морра каким-то образом научится читать уведомления — кошка, к его удивлению, действительно иногда реагировала на звук пришедшего сообщения нужным образом:

«Они нашли меня. Что делать?»

Ответа не было — Морра была дома, он оставил её там утром.

Или не дома. Или не только дома. Лев уже перестал делать предположения о том, где именно бывает Морра и как.

Он зашёл в первое попавшееся кафе, сел в угол спиной к стене — старый инстинкт, вычитанный в каком-то детективе и осевший в подкорке — и попытался думать системно.

Данные: две сущности без теней, которые его отслежива-

ют. Откуда узнали? Очевидно — от разлома. Он подошёл достаточно близко, почти коснулся. Достаточно близко, чтобы оставить след, считываемый теми, кто с той стороны.

Следствие: он засветился. Буквально — его пальцы светились. В темноте разлома это, вероятно, было видно очень хорошо.

Вывод: прятаться бессмысленно. Они уже знают, кто он.

Лев допил кофе, который машинально заказал и так же машинально выпил, не почувствовав вкуса, встал и вышел на улицу.

Мужчина из метро стоял напротив кафе.

— Ладно, — сказал Лев вслух. — Ладно.

Он не знал, что делает. Он абсолютно, стопроцентно, с полной аналитической уверенностью не знал, что делает. Но что-то внутри — то самое что-то, которое знало язык заклинаний и чувствовало разлом за три шага — это что-то знало.

Лев поднял руку.

Не угрожающим жестом — просто поднял, открытой ладонью в сторону мужчины. И почувствовал знакомое: тепло в пальцах, нарастающее давление в ладони, как будто он держит что-то невидимое и упругое.

Мужчина замер.

Первый раз с момента их встречи в метро в его движениях появилась неуверенность. Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Тень — которой у него не было — вдруг появилась, но неправильная: она падала не вниз, а вверх, против солнца, и

была немного больше, чем должна быть.

Лев нажал.

Не физически — это было невозможно описать физическими терминами. Он просто... сфокусировал то, что было в ладони. Как линза собирает свет.

Мужчина отлетел.

Не далеко — метра на три, не больше. Упал спиной на припаркованный у тротуара автомобиль, который тут же возмущённо запищал охранной сигнализацией. Прохожие обернулись. Кто-то достал телефон. Лев опустил руку и пошёл прочь быстрым шагом нормального городского жителя, которому некогда.

Он ждал страха. Страх не было. Было что-то другое — острое, почти неприятное в своей интенсивности: ощущение правильности. Как будто он сделал то, для чего предназначен. Это ощущение было гораздо страшнее страха — потому что оно нравилось.

Морра ждала его дома.

Она сидела на столе и смотрела на дверь — явно ждала. Когда Лев вошёл, она встала, обошла его кругом, обнюхала — это было новое поведение, раньше она так не делала — и уставилась на его правую руку.

— Я использовал магию, — сказал Лев. — Осознанно. Первый раз.

Морра подняла взгляд на его лицо.

— Это было... эффективно. Один из них отлетел. Вторая

— у двери — я так понимаю, тоже ушла?

Кошка кивнула.

— Они почувствовали?

Подтверждение.

— И теперь знают точнее, кто я.

Снова подтверждение. С оговоркой — он чувствовал оговорку.

— Они и так знали?

Морра посмотрела в сторону.

— Они знали с самого начала, — понял Лев. — Они не искали меня — они просто ждали, когда я проявлюсь. И сегодня я проявился достаточно ярко, чтобы они перешли к активным действиям.

Молчание.

— Блестяще, — сказал Лев без особой злости — просто констатируя. — Мой выход был эффектным.

Он сел на диван. Потёр правую ладонь — там оставалось покалывание, как после разряда статического электричества, только приятнее. Это тоже было подозрительно приятным, и Лев взял это на заметку.

— Сколько их? — спросил он.

Морра подошла, села рядом. Образ пришёл неохотно, обрывочный: много. Точного числа нет. Столько, сколько нужно — они не имели фиксированной численности в обычном смысле. Они были скорее проявлениями, чем существами: там, где Порог истончался сильнее, они просачивались плот-

нее.

— Значит, чем дольше Порог остаётся открытым, тем их больше.

Подтверждение.

— А чем больше я использую силу, тем больше Порог истончается?

Пауза. Потом — нехотя — подтверждение.

Лев закрыл глаза.

— То есть, защищаясь, я ускоряю то, от чего защищаюсь. Это классическая положительная обратная связь. Это ловушка.

Морра молчала.

— Кто-нибудь вообще думал об этом заранее? Из тех, кто всё это устроил семь веков назад?

Молчание было красноречивым. По всей видимости, думали — но, как это часто бывает с системами, которые работают очень долго, думали в контексте условий, которые больше не существуют.

— Орден держал баланс, — сказал Лев медленно, разбирая логику. — Пока орден был жив, сила распределялась между хранителями, не концентрировалась в одном месте, давление на Порог было равномерным. Теперь вся сила — во мне. И каждый раз, когда я её использую, это как... удар кулаком по треснувшему стеклу.

Образ-подтверждение. Тёплый, почти восхищённый — насколько вообще кошка могла транслировать восхищение.

— Значит, я не должен использовать магию.

Подтверждение.

— Но они будут приходить снова.

Подтверждение.

— И я либо защищаюсь и ускоряю катастрофу, либо не защищаюсь и...

Он не закончил фразу. Финал был достаточно очевиден.

— Это называется цугцванг, — сказал Лев. — В шахматах. Ситуация, когда любой ход ухудшает положение. Теоретически единственный выход из цугцванга — не делать ходов вообще.

Морра посмотрела на него.

— Что? — спросил Лев.

Образ: один из охотников снова у двери. Не прямо сейчас — скоро.

— Значит, «не делать ходов» не вариант.

Кошка медленно моргнула с видом «именно».

— Отлично. Тогда остаётся одно.

Лев встал. Подошёл к окну, посмотрел вниз на улицу. Всё выглядело нормально: прохожие, дроны, реклама на умных фасадах, чья-то собака тянет поводок к луже. Обычный XXII век. Мир, в котором наука официально допускала существование паранормального — квантовые флуктуации, информационные следы личности, топологические особенности пространства-времени — но ещё не выработала к нему практического отношения. Мир, который знал, что за стеной

что-то есть, но предпочитал думать, что стена крепкая.

А стена трескалась.

— Мне нужно закрыть Порог быстрее, чем они меня оставят, — сказал Лев. — Но, чтобы закрыть Порог, мне нужно понять, как именно это работает. А ты мне ещё не всё рассказала.

Он обернулся.

Морра сидела на диване и смотрела на него — и в её взгляде было снова то сложное, многослойное выражение, которое он уже научился распознавать.

— Морра.

Кошка отвела взгляд.

И в этот момент снизу, с улицы, донёсся звук — тихий, почти неразличимый. Не сигнализация машины, не городской шум. Что-то органическое. Почти голос.

Почти имя.

Лев посмотрел вниз.

У подъезда стоял один из охотников — не тот, из метро, другой. Новый. Он стоял совершенно неподвижно, запрокинув голову вверх, и смотрел прямо на окно Льва. С шестого этажа лицо было плохо различимо.

Но Лев отчётливо слышал то, что охотник говорил.

Одно слово. Снова и снова, тихо, почти нежно.

«Наследник».

Ложь хранителя

Лев не спал всю ночь.

Не потому, что боялся — хотя охотник у подъезда просто-жал до рассвета, и это было объективно неприятно. И не потому, что думал о слове «наследник» — хотя думал, конечно, думал, ведь это слово крутилось в голове с настойчивостью рекламного джингла, который невозможно забыть, даже если очень хочется. Он не спал потому, что впервые за три недели не хотел спать. Не боялся сна — просто не нуждался в нём. Тело было странно бодрым, почти звенящим, как будто та вспышка на улице — когда он поднял руку и охотник отлетел — зарядила его, а не истощила.

Это тоже было подозрительно.

В пять утра он встал, сварил кофе и сел напротив Морры, которая всю ночь просидела на подоконнике, наблюдая за охотником внизу с видом профессионального контрнаблюдателя.

— Нам нужно поговорить, — сказал Лев.

Морра обернулась.

— По-настоящему поговорить. Не образами, не намёками, не дозированными трансляциями. Ты можешь говорить словами — я слышал своё имя от тебя там, у разлома. Значит, можешь.

Морра смотрела на него долго. Потом медленно перебралась с подоконника на стол, прямо на его раскрытый ноутбук — жест одновременно хозяйский и риторический.

Молчание.

— Хорошо, — сказал Лев. — Тогда я буду спрашивать, ты — отвечать. Как умеешь. Но честно. Договорились?

Кошка не пошевелилась. Лев расценил это как согласие.

— Почему они называют меня наследником?

Образ: сложный, многослойный, как всегда. Но на этот раз Лев получал его иначе — не как картинку со стороны, а как что-то изнутри. Как будто он сам это знал, а Морра просто помогала вспомнить. Наследник силы — это не метафора и не почётное звание. Это буквальное описание механики. Сила ордена не исчезла вместе с орденом. Она перешла. По принципу наследования — к тому, кто нёс в себе нужный информационный набор. К нему.

— Они называют меня наследником не как врага, — сказал Лев медленно. — Они называют меня так, как будто я... свой.

Морра смотрела на него.

— Как будто им нужно не уничтожить меня, а...

Он замолчал. Потому что следующая мысль была неудобной, и он не хотел произносить её вслух — как будто это делает её более реальной.

— Как будто им нужно, чтобы я перешёл на их сторону. Добровольно.

Молчание.

— Морра. Это так?

Кошка отвела взгляд — и это было ответом.

— Почему? Что изменится, если я перейду добровольно?

Образ: Порог. Трещина. Человек с той же силой, которая сейчас была в нём — но направленная не на закрытие, а на открытие. Как ключ в замке: один и тот же ключ, зависит только от того, в какую сторону повернуть.

— Я могу открыть Порог полностью, — сказал Лев. — Изнутри. И для этого нужно только моё согласие.

Подтверждение.

— А закрыть его я могу тоже только сам.

Подтверждение.

— То есть всё зависит от моего выбора.

Подтверждение.

— И они пытаются на этот выбор повлиять. Через силу — не получается, ты мешаешь. Через обещания из разлома — я отошёл. Теперь — стоят у подъезда и зовут наследником. Психологическое давление.

Образ: усталый, почти горький — и снова то сочувствие, которое Льва всегда настораживало. Когда кто-то сочувствует тебе заранее, это значит, что они знают что-то, о чём ты ещё не спросил.

— Морра, — сказал Лев. — Что ты от меня скрываешь?

Кошка посмотрела на него. Прямо, без уклонения. И в этом взгляде было что-то новое: не борьба с собой, не осторожность, не дозирование. Что-то похожее на усталость от молчания.

— Что-то связанное со мной, — продолжил Лев. — Конкретно со мной, не с орденом и не с Порогом. Ты знаешь про

меня что-то, что я должен знать, но ты не говоришь. И ты не говоришь не потому, что время не пришло — а потому что боишься, как я отреагирую.

Долгая пауза.

— Это связано с разрушением ордена, — сказал Лев. Не спросил — сказал. Потому что знал. Потому что три недели данных складывались в пазл, который он сознательно не достраивал до конца — не хотел. Но теперь избегать было уже невозможно. — Я видел себя там. В видении у руин. Среди тех, кто не помогал. Кто стоял и смотрел.

Морра молчала.

— Они не просто стояли, — сказал Лев тише. — Я чувствовал это тогда, у чёрного пятна, но не хотел додумывать. Они не были случайными наблюдателями. Они были... причиной.

Тишина в квартире стала другой. Плотнее.

— Орден не просто сгорел, — сказал Лев. — Его уничтожили. И тот, кого я видел в видении — тот, у кого было моё лицо — он был среди тех, кто это сделал.

Морра закрыла глаза.

— Это правда?

Долгое молчание. Потом — образ. Самый тяжёлый из всех, что она ему передавала. Не картинка, не информация — почти физическое ощущение: вина. Чужая вина, ставшая частью него по праву информационного наследования. Как долг, который переходит вместе с наследством — даже если

наследник не знал о его существовании.

— Тот человек предал орден, — сказал Лев. — И через несколько жизней его информационный след оказался во мне.

Подтверждение.

— И именно поэтому сила ордена перешла ко мне. Не как награда. Как... что? Ирония судьбы? Компенсация? Кто-то там наверху решил, что это остроумно?

Образ: механика. Чистая, безличная. Никакой иронии — просто так работает информационный след. Сила всегда возвращается к источнику, каким бы этот источник ни был.

— Я — наследник предателя, — сказал Лев.

Это прозвучало странно спокойно. Даже для него самого.

— И именно поэтому они называют меня наследником — они знают. Они знали с самого начала, кто я на самом деле.

Морра открыла глаза. В них было что-то, что Лев не сразу распознал — потому что это было слишком человеческим для кошки. Потом понял: она хотела, чтобы он это сказал сам. Не потому, что не могла сказать — а потому что некоторые вещи человек должен произносить вслух сам. Только так они становятся настоящими и только так с ними можно что-то сделать.

— Ты знала с самого начала, — сказал он. — Когда пришла ко мне. Ты знала, кто я — и всё равно пришла.

Подтверждение.

— Почему?

Образ: простой, почти неожиданно простой после всего предыдущего. Человек — не тот, кем он был в прошлой жизни. Информационный след несёт форму, но не содержание. Характер. Выбор. Ценности. Это — новое каждый раз.

— Ты решила, что я сделаю другой выбор, — понял Лев.
— Что я — не он. Что несмотря на след — я другой человек.
Морра смотрела на него.

— А если ты ошиблась?

Молчание.

— Морра. Если ты ошиблась в выборе — что тогда?

Кошка встала с ноутбука, прошла по столу к краю и спрыгнула на пол. Направилась в сторону коридора. Остановилась у двери в комнату, обернулась.

В её взгляде был ответ — и он был хуже всего, что Лев мог предположить. Потому что в нём не было уверенности. В нём была надежда. Просто надежда — без гарантий, без расчётов, без страховки.

Семисотлетнее существо, которое пережило больше, чем Лев мог представить, пришло к нему с надеждой.

Это было одновременно трогательно и катастрофически.

— Ты поставила всё на кота в мешке, — сказал Лев. — В буквальном смысле.

Морра скрылась в комнате.

Лев остался сидеть с чашкой кофе и мыслью, которая никуда не девалась, сколько он её ни отгонял: тот человек в видении — с его лицом, с его прищуром, с его привычкой

опускать левый угол рта — стоял у горячей башни и молчал. Не кричал, не пытался остановить. Молчал.

И Лев не знал — совсем не знал — смог бы он сам поступить иначе. В тех обстоятельствах, которых он не знал. С теми причинами, которых не понимал.

За окном охотник у подъезда наконец ушёл. Просто развернулся и пошёл прочь — неторопливо, как уходят те, кому некуда спешить. Город просыпался: умные фасады переключались с ночного режима на дневной, первые дроны резали воздух над крышами, где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

Обычное утро.

Лев смотрел на пустое место у подъезда и думал о том, что разница между предателем и героем иногда состоит только в том, какой именно момент ты застал в чужой жизни.

И о том, что собственную жизнь он видит изнутри, а значит — видит все моменты. В том числе те, которые стыдно видеть.

В том числе те, которые ещё не случились.

Истинная роль

Правда пришла в субботу. Без предупреждения — как, впрочем, приходит большинство событий, которые действительно меняют что-то важное.

Лев сидел на кухне уже с третьей чашкой кофе и листал статью в научном журнале — ту самую, из Nature, про квантовую теорию личностной непрерывности, которую он ко-

гда-то отложил как «слишком абстрактную». Теперь она читалась совершенно иначе. Авторы — физик из Новосибирска и нейробиолог из Сингапура — утверждали, что личность является информационной структурой, способной к частичному самовоспроизведению через квантовые флуктуации в биологических системах. Проще говоря: некоторые паттерны личности не умирают вместе с телом, а переносятся в новые носители через механизмы, которые наука пока описывала осторожно, через три слоя оговорок и два абзаца про необходимость дальнейших исследований.

Три года назад Лев счёл это спекуляцией.

Сейчас он нашёл в статье себя — буквально, в таблице маркеров — и поставил рядом с абзацем значок «!!!» прямо в интерфейсе читалки.

— Они это знали, — сказал он Морре. — Учёные. Они уже знали механику. Просто не знали, к чему она применима.

Морра сидела на холодильнике — новая позиция, которую она освоила примерно на третий день и явно считала стратегически выгодной — и наблюдала за ним с высоты с видом профессора, который дождался, пока студент наконец добрался до нужной страницы учебника.

— Хорошо, — сказал Лев, отложил телефон и потёр лицо ладонями. — Давай сначала. Расскажи мне всё. Не частями, не дозами. Всё.

Морра спрыгнула с холодильника.

Она подошла к нему — медленно, с торжественностью, которая у кошек граничит с комизмом, но у очень старых кошек почему-то работает — и положила обе передние лапы ему на колено. Прямой контакт. Максимальный канал.

И рассказала.

Лев сидел неподвижно минут двадцать. Образы шли плотным потоком — не хаотичным, а выстроенным, как хорошо смонтированный документальный фильм: начало, развитие, кризис, развязка. Семь веков истории ордена, сжатые до ключевых точек. И в центре каждой ключевой точки — одно и то же повторение. Один и тот же человек в разных телах, с разными именами, в разных эпохах.

Предатель. Перерождение. Носитель.

Хранитель.

Последнее слово пришло тихо, почти вскользь — но именно оно осело в сознании тяжелее всего остального.

— Подожди, — сказал Лев, когда поток иссяк. — Подожди. Хранитель — это ты. Ты хранитель Порога.

Морра смотрела на него.

— Но ты сказала — то есть показала — что я тоже хранитель. Что сила ордена во мне. Что я должен закрыть Порог.

Подтверждение.

— Тогда мы оба хранители?

Пауза. Потом — образ, аккуратный и безжалостный одновременно: два хранителя не существуют параллельно. Порог требует одного. Всегда — одного. Система так устроена:

один хранитель снаружи, один — внутри. Один держит мембрану с этой стороны, другой — с той.

Лев почувствовал, как что-то холодное проходит по позвоночнику.

— Морра. Ты — снаружи. Значит, кто внутри?

Долгое молчание.

— Кто сейчас держит Порог изнутри?

Образ: пустота. Не в смысле «никого» — в смысле «место пустоует». Как вакансия, которую долго не могут закрыть.

— Оно держится само?

Отрицание.

— Оно не держится, — понял Лев медленно. — Именно поэтому оно трескается. Потому что внутренний хранитель... ушёл?

Подтверждение — и с ним образ: давний, покрытый слоями времени. Внутренний хранитель не «ушёл» в смысле — умер. Ушёл в смысле — вышел. Нарушил равновесие, которое поддерживал. Намеренно.

— Тот, кто поджёт башню, — сказал Лев. — Тот, чей след во мне. Он был внутренним хранителем.

Морра смотрела на него — и в её взгляде было что-то такое, что Лев понял: он добрался. До самого дна. До той части правды, которую Морра берегла дольше всего.

— Он вышел изнутри, — сказал Лев. — Он был хранителем Порога с той стороны — и он решил выйти. Бросил свой пост. И именно это разрушило орден — не нападение

снаружи, а уход изнутри. Потому что Порог без внутреннего хранителя начинает схлопываться — и схлопывание выглядит как взрыв. Как пожар. Как гибель башни.

Молчание.

— И орден погиб не потому, что его уничтожили, — продолжил Лев голосом, который звучал удивительно ровно для человека, у которого только что изменилось всё. — Орден погиб, потому что внутренний хранитель ушёл. А те люди у стены — с моим лицом — они не были нападавшими. Они были теми, кто знал. Кто понимал, что происходит, и не остановил. Потому что... почему?

Образ — горький, как старое лекарство: потому что он попросил. Внутренний хранитель попросил их не останавливать его. И они не остановили. Из верности. Из любви. Из того, что люди делают для тех, кого любят, даже когда это катастрофически неправильно.

Лев долго молчал.

— Он хотел выйти, — сказал он наконец. — После стольких лет внутри — он просто хотел выйти. И они не смогли ему отказать.

Тишина в кухне была очень тихой. Даже умный дом, казалось, притих — перестал мигать индикаторами, перестал предлагать оптимизировать температуру и влажность. Просто тишина и утренний свет в окне.

— И теперь мне нужно войти, — сказал Лев. — Не просто закрыть Порог снаружи. Войти внутрь. Занять место, кото-

рое пустует семьсот лет. Стать внутренним хранителем.

Морра смотрела на него. Не подтверждала и не отрицала — просто смотрела.

— Это не смерть, — сказал Лев медленно, проверяя мысль на прочность. — Ты говорила — исчезнуть. Я думал, это значит умереть. Но это не смерть. Это... переход. Внутрь.

Первый образ-подтверждение — осторожный, с оговорками.

— Но оттуда нет возврата, — добавил Лев.

Долгая пауза. Потом подтверждение — без оговорок.

— Тот, кто был до меня, — мой предшественник — он провёл там... сколько?

Образ: время внутри Порога течёт иначе. Не быстрее и не медленнее — просто иначе. Снаружи прошло семь веков. Изнутри — другой счёт.

— Он чувствовал что-нибудь? Там, внутри?

Молчание такого качества, которое Лев научился читать как «я не знаю». Морра не знала. Она была снаружи всё это время — она знала то, что видела с этой стороны. Что происходит с тем, кто входит внутрь — это за пределами её опыта.

— Честный ответ, — сказал Лев. — Спасибо.

Он встал. Подошёл к окну. Город жил своей субботней жизнью: неторопливо, немного вразвалку, как живут города в выходные. Где-то шёл рынок — Лев видел тенты с высоты. Над парком кружил прогулочный дрон с пассажирской кабиной. Двое детей на тротуаре запускали что-то светящее-

ся — игрушка, небольшая, похожая на шар, которая поднималась и медленно опускалась, как будто думала, лететь или остаться.

Обычный мир. Мир, который не знал, что его мембрана трещит.

— Знаешь, что самое странное? — сказал Лев, не оборачиваясь. — Я злюсь. Не на тебя — или не только на тебя. Я злюсь на него. На того человека семь веков назад. Он устал — понимаю. Он хотел выйти — понимаю. Но он бросил пост. Бросил всё, что держал. И теперь я — его след, его информационный хвост — должен это исправить. Это как получить в наследство чужие долги. Вместе с чужим лицом.

Морра прыгнула и встала рядом. Тоже посмотрела в окно.

— Но вот что интересно, — продолжил Лев. — Он вышел. Значит — можно выйти. Если он смог, значит есть механизм выхода.

Молчание.

— Морра. Есть механизм выхода?

Пауза — долгая, почти невыносимая.

Потом образ. Такой осторожный, такой тщательно упакованный в оговорки, что Лев не сразу понял его. Разбирал слой за слоем, как упаковку подарка, который боишься открыть, потому что не знаешь, что внутри.

Понял.

— Есть, — сказал он. — Но для этого нужен другой хранитель снаружи. Кто-то, кто займёт место снаружи — насто-

ящий, полноценный, не временный. Тогда внутренний может выйти. Они меняются местами.

Подтверждение.

— Ты — снаружи, — сказал Лев. — Ты уже снаружи. Ты всегда была снаружи. Значит...

Он обернулся. Посмотрел на Морру — чёрную кошку с жёлтыми глазами, с семью веками за плечами, которые она носила так, как носят что-то очень тяжёлое и очень привычное.

— Значит, если я войду внутрь, ты останешься снаружи. И выход для меня будет только если появится третий. Ещё один носитель. Которого еще нет и непонятно, будет ли.

Морра смотрела на него.

— Ты знала это с самого начала.

Молчание.

— Ты знала — и всё равно пришла ко мне. Потому что выбора у тебя не было. Потому что Порог рушится, и кто-то должен войти, и я — единственный, кто может.

Подтверждение.

— И ты не сказала мне про выход, — сказал Лев, — потому что выхода нет. Не практически нет — теоретически есть, но практически нет, потому что третьего носителя не существует. Ты сказала мне про жертву — но не сказала, что именно за жертва. Не смерть. Хуже.

Морра закрыла глаза.

— Вечность внутри Порога в одиночестве, — сказал Лев.

— Это хуже смерти. Это значит — всегда. Без конца. Пока существует мир.

Тишина.

За окном светящийся шар детской игрушки медленно опустился на тротуар. Один из детей подбежал, поднял его, и они побежали дальше — звонкие, быстрые, абсолютно не подозревающие.

— Он устал, — повторил Лев тихо. — Тот, кто был до меня. Теперь я понимаю почему.

Морра открыла глаза.

И в этот момент — без предупреждения, без нарастания, без той низкочастотной вибрации, которая обычно предшествовала — шёпот вернулся.

Не тихий, как раньше. Не фоновый. Громкий, чёткий, почти физический — как голос человека, который стоит прямо за плечом.

И он знал имя Льва.

Не «Лев» — настоящее имя. То, которое Лев сам не знал. То, которое было частью информационного следа, доставшегося ему вместе со следом предателя и символом на ключице. Имя, которое существовало семь веков назад и теперь вернулось — произнесённое тьмой с той стороны Порога.

Мягко. Почти ласково.

Как зовут кого-то своего.

Разрыв доверия

Имя звучало ещё несколько секунд после того, как шёпот стих.

Не в воздухе — в голове. Как нота, которую взяли на инструменте и отпустили, но резонанс остался в стенах комнаты ещё долго после того, как пальцы убрали со струны. Лев стоял у окна и не двигался. Не потому, что был парализован или напуган — он сам не мог объяснить, почему стоит неподвижно. Просто казалось важным не делать ничего, пока это имя ещё звучит внутри. Пока оно ещё не стало просто словом.

Потому что это было не просто слово.

Это было что-то, что он узнал.

Не вспомнил — именно узнал. Как узнают запах дома, в котором не был много лет: не сознательным воспоминанием, а чем-то более глубоким, предшествующим словам и логике. Имя попало в ту часть его, которая существовала до Льва Серова, аналитика данных, жителя Петербурга, потребителя лапши из пакетика. В ту часть, которая семь веков назад стояла у горячей башни и молчала.

— Кастиэль, — произнёс он вслух.

Морра резко обернулась.

— Это оно? — спросил Лев. — Это имя?

В глазах кошки было что-то, чего Лев раньше не видел: не просто сочувствие, не просто сожаление. Что-то острее. Почти страх.

— Откуда ты знаешь это имя? — спросил Лев тише.

Но он уже знал ответ. Не от Морры — от себя. От той части себя, которая только что откликнулась на зов тьмы с той стороны Порога. Имя существовало в нём так же, как существовал язык заклинаний и символ на ключице: не выученное, не полученное — врождённое. Часть структуры.

— Его так звали, — сказал Лев. — Того человека. Внутреннего хранителя. Который вышел.

Подтверждение — осторожное, почти испуганное.

— И они там, за Порогом, знают это имя. Знают, что я несу его след. И когда произносят его — эта часть меня отзывается.

Молчание.

— Это проблема, — сказал Лев.

Он наконец отошёл от окна. Сел на диван — не аккуратно, как обычно, а тяжело, как садятся люди, у которых внезапно кончились силы держать спину прямо. Морра запрыгнула и села рядом — не на противоположный конец дивана, как всегда, а вплотную. Тёплый чёрный бок прижался к его бедру.

Лев не отодвинулся.

— Значит, они могут обращаться не ко мне, — сказал он в пространство. — Они могут обращаться к нему. К Кастиэлю. К той части меня, которая когда-то уже сделала выбор — уйти. Бросить пост. И эта часть — помнит. Чувствует. Откликается.

Морра молчала.

— Ты знала об этом?

Долгая пауза.

— Морра. Ты знала, что они могут использовать его имя против меня?

Образ пришёл нехотя: не полное знание — подозрение. Она подозревала. Не была уверена. Не сказала, потому что не хотела возбуждать в нем страх раньше времени.

— Не хотела возбуждать страх раньше времени, — повторил Лев вслух медленно. — Значит, ты знала, что время придёт. Ты просто решила, что я справлюсь, когда оно придёт.

Молчание.

— Это не твоё решение, — сказал Лев.

Тон был ровным. Не злым — именно ровным, что иногда хуже злости.

— Ты принимаешь решения за меня с того момента, как появилась на подоконнике. Ты дозируешь информацию. Ты решаешь, что я готов услышать и что — нет. Ты ведёшь меня к руинам, к разлому, к правде — по шагу, по капле, по образу. И каждый раз, когда я спрашиваю прямо — ты либо молчишь, либо отвечаешь ровно столько, сколько считаешь нужным. Не столько, сколько нужно мне. Сколько нужно тебе.

Морра смотрела на него.

— Я не злюсь, — сказал Лев. — Точнее — злюсь, но это не главное. Главное вот что: я не могу принимать правильные решения с неполными данными. Это азбука аналитики. Если

ты хочешь, чтобы я сделал правильный выбор — дай мне все данные. Все. Не те, которые ты считаешь достаточными. Все.

Долгое молчание.

Потом Морра встала. Прошла по дивану к его колену — снова прямой контакт, снова максимальный канал. И на этот раз поток был другим: не документальный фильм с выбранными ключевыми точками. Что-то более сырое, менее отредактированное. Как черновик вместо финального текста.

Лев получал информацию и молчал.

Молчал долго.

Когда поток иссяк, он встал, прошёл на кухню, налил воды из-под крана — не из фильтра, просто из крана, потому что иногда нужна именно эта простая механика: открыть кран, подставить стакан, выпить — и постоял у раковины, глядя в окно.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Хорошо.

Он вернулся в комнату. Морра сидела на диване и ждала.

— Порог не просто трещит, — сказал Лев. — Он трещит быстрее, чем ты мне говорила. Не недели — дни. У нас дни.

Молчание — и в нём не было отрицания.

— И охотников становится больше не потому, что они приходят новые. Они становятся плотнее там, где я нахожусь. Моя сила притягивает их как магнит. Чем дальше я здесь — тем их больше будет именно здесь. В городе. Среди людей.

Подтверждение.

— И использование магии — даже одно, даже маленькое — ускоряет процесс. Я уже использовал. Два раза: у стены и на улице с охотником.

Молчание.

— Ты должна была сказать мне это раньше, — сказал Лев.
— До того, как я использовал силу.

Образ-ответ пришёл немедленно: она не была уверена, что у неё была возможность сказать. Что он был готов услышать.

— Это снова твоё решение о моей готовности, — сказал Лев. — Именно это я и имею в виду.

Морра опустила голову. Не по-кошачьи — по-человечески, и это было настолько нехарактерно для неё, что Лев на секунду забыл, что злится.

— Я не говорю, что ты плохой хранитель, — сказал он тише. — Я говорю, что ты привыкла работать одна. Семь веков — одна. Орден был инструментом, не партнёром. Ты принимала решения, они исполняли. Я — не орден. Я не буду исполнять то, что не понимаю.

Долгое молчание.

— Нам нужно доверие, — сказал Лев. — Настоящее. Не «я скажу тебе столько, сколько нужно». А полное. Потому что я собираюсь принять решение, которое касается только меня — и я должен принять его с полным пониманием того, что происходит.

Морра подняла голову. Посмотрела на него.

В её взгляде была борьба — старая, давняя, как привычка, от которой трудно избавиться. Семь веков одиночных решений. Семь веков «так надо» без объяснений, потому что объяснять было некому или некогда.

— Я не прошу у тебя прощения, — сказал Лев. — Я прошу изменить формат работы. Это выполнимо?

Пауза.

Потом — образ. Простой, без оговорок: да.

— Хорошо, — сказал Лев.

Он снова сел. Взял телефон — автоматически, как берут телефон, когда нужно что-то сделать руками, пока голова обрабатывает сложную информацию. Посмотрел на экран без смысла. Положил обратно.

— Тогда вот первый вопрос в новом формате, — сказал он. — Честный ответ от тебя, без дозирования.

Морра смотрела на него.

— Ты веришь, что я сделаю правильный выбор?

Молчание — долгое, настоящее, не уклончивое. Морра думала. По-настоящему думала, и Лев ценил это больше, чем быстрый успокоительный ответ.

Потом образ: не «да» и не «нет». Что-то сложнее. Я верю, что ты способен на правильный выбор. Это не то же самое, что верить, что ты его сделаешь. Но это всё, что у меня есть.

— Честно, — сказал Лев. — Принято.

Он встал снова — он вообще много вставал и садился сегодня, нервная система требовала движения. Прошёлся по

комнате. Остановился у полки с книгами — настоящими, бумажными, которые он собирал из упрямого консерватизма в мире, где всё читали с экранов. Провёл пальцем по корешкам.

— Я отдаляюсь от тебя, — сказал он в сторону полки. — Ты понимаешь это?

Молчание.

— Не потому, что злюсь. Не потому, что не доверяю. Просто мне нужно подумать самому. Без трансляций, без образов, без твоего присутствия в голове. Мне нужно понять, чего хочу я — а не чего хочет информационный след Кастиэля, и не чего хочет Порог, и не чего хочешь ты. Именно я.

Образ-ответ: понимаю. Тихий, почти неслышимый — как выдох.

— Несколько часов, — сказал Лев. — Мне нужно несколько часов.

Он надел куртку. Взял телефон, ключи — автоматически, хотя понимал, что ключи сегодня, возможно, наименее полезный предмет, который он мог взять с собой. Открыл дверь.

Обернулся.

Морра сидела посреди комнаты и смотрела на него. Маленькая, чёрная, очень старая. На фоне обычной городской квартиры с голографическим ноутбуком и умными жалюзи она выглядела как вещь из другого времени — что, в общем-то, было чистой правдой.

— Я вернусь, — сказал Лев.

Он не знал, говорит ли это для неё или для себя.

Вышел. Спустился по лестнице — не на лифте, пешком, потому что лестница давала время подумать. Вышел на улицу.

Охотников не было видно. Это было подозрительно само по себе — их отсутствие ощущалось почти физически, как тишина перед грозой. Они не ушли. Они ждали.

Лев пошёл вдоль реки, засунув руки в карманы, глядя на воду.

Город жил вокруг него своей субботней жизнью: неторопливо, шумно, абсолютно не подозревая. Где-то смеялись дети. Где-то пахло едой из открытого окна ресторана. Над мостом завис рекламный дрон с баннером про новый нейроинтерфейс для медитации — «Научитесь быть здесь и сейчас», — и Лев подумал, что это звучит как насмешка именно сейчас, именно для него.

Здесь и сейчас.

Здесь — трескающийся Порог, охотники без теней, имя мёртвого хранителя, которое живёт в нём как незванный жилец.

Сейчас — несколько дней до того, как всё это станет ещё чьей-то проблемой. Или ничьей — если станет слишком поздно.

Лев остановился у парапета. Посмотрел на воду.

Вода была серой и спокойной — она не знала ни о каких

Порогах. Это было завидно.

Он достал телефон. Открыл таблицу с пробуждениями — ту самую, семнадцать строк «3:17» с черепом на восемнадцатой. Посмотрел на неё долго и с новым пониманием. Потом добавил новую строку: не время, не пометку. Просто вопрос.

«Кем ты хочешь быть?»

Убрал телефон. Посмотрел на воду.

И сделал первый шаг — не к Морре, не к Порогу, не к охотникам. Просто шаг вперёд. Вдоль реки, в сторону, которую сам пока не выбирал — в сторону тьмы, которая звала его по имени, которое он не должен был знать, но знал.

Один шаг. Потом ещё один.

Морра в квартире смотрела на закрытую дверь.

И впервые за семь веков не знала, что будет дальше.

Падение

Лев шёл вдоль реки два часа.

Потом ещё час — уже не вдоль реки, а через незнакомые дворы, которые петляли и возвращались сами на себя с той специфической логикой петербургской застройки, которая существовала задолго до умных навигационных систем и пережила их все. Навигацию он отключил — телефон убрал в карман ещё у моста. Шёл куда шел. Думал.

Точнее — пытался думать.

Это был главный симптом, который Лев зафиксировал примерно на сороковой минуте прогулки: мысли не шли ли-

нейно. Обычно его мышление было структурным — данные, паттерн, вывод, следующий шаг. Чётко, воспроизводимо, надёжно, как хорошо написанный алгоритм. Сейчас что-то мешало. Мысль начиналась, разгонялась, уходила в сторону — и вместо вывода появлялось имя.

Кастиэль.

Не навязчиво, не агрессивно — тихо. Как фоновый процесс, который не мешает работе основного, но потребляет ресурсы. Лев замечал это и убирал — и через минуту имя возвращалось снова.

Он добрался до набережной Фонтанки — той части, где туристов почти не было, зато были старые дома с облупленными фасадами, которые умная реновация обходила стороной по какому-то бюрократическому недоразумению. Сел на скамейку у воды. Закрыв глаза.

Имя звучало тише, когда он его не гнал от себя. Это было любопытно — как любопытны бывают симптомы, которые ведут себя нелогично.

— Хорошо, — сказал он тихо, ни к кому не обращаясь. — Ты здесь. Я слышу.

Ничего не произошло — и одновременно что-то произошло. Внутри, не снаружи. Как будто часть его, которая до этого стояла у стены и ждала разрешения войти, получила это разрешение и вошла. Тихо, без торжества.

Лев сидел неподвижно и чувствовал, как это ощущается. Странно. Не плохо — именно странно. Как когда приме-

ряешь чужое пальто, и оно неожиданно садится по фигуре.

Память пришла сама — без Морры, без контакта, без трансляции. Просто открылась, как файл, который всегда был на диске, но в скрытой папке. Не видения, не образы — знание. Прямое, личное, от первого лица.

Он помнил темноту внутри Порога.

Не как страшную — как привычную. Как помнят привычный маршрут домой: без деталей, без красоты, просто — знание пространства. Поворот здесь, ступенька там, третья дверь налево. Он знал Порог изнутри так, как знают место, в котором прожили долго. Слишком долго.

И он помнил, почему вышел.

Не усталость — это было слишком простым словом для того, что произошло. Скорее — истощенность. Как батарея, которую заряжали и заряжали, но она с каждым разом держала чуть меньше, пока не перестала держать совсем. Не отказ от долга — невозможность его продолжать. Граница, за которой ты уже не хранитель. Уже просто оболочка.

И тогда он вышел.

И башня сгорела.

Лев открыл глаза.

Вода в Фонтанке текла своим ходом — неторопливо, немного грязновато, совершенно равнодушно. Над ней пролетел дрон-курьер, мигнул навигационным огнём.

— Ты не был предателем, — сказал Лев тихо. — Ты был сломан.

Это не было оправданием. Это было просто фактом.

Разница между «предал» и «сломался» — существенная. Аналитически существенная. Если система даёт сбой, потому что оператор намеренно саботирует процесс — это одна задача. Если система даёт сбой, потому что оператор исчерпал ресурс без возможности восстановления — это другая. Вторая задача не требует осуждения оператора. Она требует понять, почему ресурс исчерпался, и устранить причину.

Лев встал.

Сделал три шага вдоль реки — и понял, что идёт в сторону разлома. Не потому, что решил идти туда — просто ноги знали дорогу. Та часть его, которая помнила Порог изнутри, помнила и этот разлом. Как трещину в собственной стене.

Он остановился.

— Нет, — сказал он вслух. — Не сейчас. Не так.

Ноги остановились послушно. Но что-то внутри продолжало тянуть — тихо, настойчиво, как течение под спокойной поверхностью воды.

Это было новым.

Раньше — всё последние три недели — он чувствовал себя собой, которому происходит что-то странное. «Снаружи» находилось снаружи, мистика - снаружи, Морра - снаружи. Он — внутри, наблюдает, анализирует, принимает решения. Чёткая граница: вот я, вот всё остальное.

Сейчас граница размылась.

«Всё остальное» начинало просачиваться внутрь — мед-

ленно, почти незаметно, как вода сквозь микротрещину. Имя Кастиэля звучало тише, но зато — ближе. Уже не за плечом. Уже почти изнутри.

Лев достал телефон. Набрал сообщение в пустой чат для Морры:

«Возвращаюсь. Нам нужно поговорить.»

Убрал телефон. Пошёл обратно — уже с навигацией, потому что петербургские дворы не прощают самонадеянности.

Дорога заняла сорок минут.

За это время произошло три вещи.

Первая: он увидел ещё одного охотника. Женщина в светлом пальто стояла у входа в продуктовый магазин и смотрела на него с тем же хирургическим спокойствием, что и те двое раньше. Лев посмотрел в ответ. Не поднял руку, не ускорил шаг. Просто посмотрел. Женщина медленно улыбнулась — и отступила в тень, не уходя, просто уходя из прямой видимости.

Они не нападали. Они ждали.

Вторая: он заметил, что видит больше, чем обычно. Не в смысле дальности — в смысле слоёв. Город стоял перед ним многослойным, как плохо склеенная голограмма: сверху — обычный XXII век с умными фасадами и дронами, а под ним — что-то ещё. Старше. Плотнее. Места, где реальность была тоньше, светились чуть иначе — не для глаз, для чего-то, у чего не было названия. Он видел три таких места по дороге

домой. Все три — в районе старой застройки.

Все три — трещины. Новые.

Порог разрушался быстрее, чем даже Морра предполагала.

Третья вещь случилась у самого подъезда.

Лев уже нажал на домофон, уже слышал гудок — и вдруг остановился. Потому что почувствовал: тянущее ощущение изнутри, которое он заметил у Фонтанки, стало сильнее. Намного сильнее. Как будто расстояние, которое он прошёл за сорок минут, не увеличило дистанцию от разлома, а наоборот — сократило её. Как будто разлом шёл за ним.

Или — шёл в нём.

Лев посмотрел на свою правую руку.

Она слабо светилась.

Не так, как у стены в первый раз — не от усилия, не от намеренного использования силы. Просто так. Постоянно.
— Это новое, — сказал он вслух.

Он вошёл в подъезд. Поднялся на шестой этаж. Открыл дверь.

Морра сидела у входа — прямо у порога, что было нетипично. Обычно она ждала в комнате, с достоинством, не демонстрируя нетерпения. Сейчас она сидела у двери и смотрела на него так, как смотрят существа, которые провели несколько часов в ожидании и не притворяются, что им было всё равно.

Лев снял куртку. Повесил. Прошёл в комнату. Сел.

— Рука светится, — сказал он. — Постоянно. Без усилий.
Морра запрыгнула на диван.

— Это значит, что сила активируется сама. Без моего участия.

Образ: да. Тревожный, быстрый.

— Порог притягивает. Он начинает тянуть сою силу к себе.

Подтверждение.

— Это ускоряет разрушение.

Подтверждение.

— Значит, даже если я не делаю ничего — просто существую — я ускоряю процесс.

Молчание. Которое было ответом.

— Сколько времени?

Образ: расплывчатый, неточный — Морра не знала точно. Но в нём было что-то, что Лев научился читать как числа: не недели. Возможно — дни. Возможно — меньше.

— Хорошо, — сказал Лев.

Он помолчал. Потом сказал — не Морре, скорее себе, проверяя, как это звучит вслух:

— Я чувствую его. Кастиэля. Он — часть меня. Я сидел у Фонтанки и... позволил ему быть рядом. Не бороться. Просто — быть.

Морра смотрела на него очень внимательно.

— Это было ошибкой? — спросил Лев.

Образ пришёл неоднозначный: не ошибка и не совсем

правильно. Опасно. Потому что, чем больше Кастиэль — часть его, тем громче голос тьмы, которая знает это имя. Тем сильнее тяга к разлому. Тем тоньше граница между «я понимаю, почему он устал» и «я чувствую то же, что чувствовал он».

— Эмпатия как уязвимость, — сказал Лев. — Понятно.

Он посмотрел на руку. Свечение не прекращалось — ровное, бледное, как экран в режиме ожидания.

— Морра, мне нужно сказать тебе кое-что.

Кошка ждала.

— Я не знаю, — сказал Лев просто. — Впервые за три недели — не знаю. Не какую-то конкретную вещь. Вообще не знаю. Не знаю, что правильно. Не знаю, чего хочу. Не знаю, где заканчиваюсь я и начинается он. Три недели у меня была аналитическая дистанция — я смотрел на происходящее как на задачу с неизвестными. Сейчас дистанции нет.

Морра подошла ближе.

— И знаешь, что хуже всего? — продолжил Лев. — Тьма там, за Порогом — она предлагала силу и ответы. Я отошёл тогда, потому что ты остановила, потому что успел. Но сейчас — сейчас я понимаю её. Не потому, что она права. А потому что я устал. За три недели — устал. А он был там семьсот лет.

Тишина.

— Это и есть их план, — сказал Лев тихо. — Не атака. Не угрозы. Просто — ждать, пока я устану достаточно, чтобы

имя Кастиэля зазвучало громче моего собственного.

Морра положила лапу ему на руку — туда, где она свети-лась. Свет под её лапой стал чуть другим: не ярче, не тише — теплее. Как будто она не гасила его, а удерживала. Напо-минала, чей он.

Лев посмотрел на её лапу. Потом — на её морду.

— Ты не спишь, — сказал он. — Ты вообще спишь?

Образ: иногда. Редко. Когда можно.

— Семь веков, — сказал Лев. — Семь веков почти без сна, в одиночестве, охраняя то, что большинство людей не знает, что оно существует. Это тоже своего рода внутри Порога, только снаружи.

Морра смотрела на него.

— Ты тоже устала, — сказал Лев. — Просто у тебя другой порог усталости. Извини за каламбур.

Что-то в жёлтых глазах изменилось — совсем чуть-чуть. Почти незаметно. Но Лев за три недели научился читать «чуть-чуть» в её взгляде так же хорошо, как другие люди чи-тают эмоции на человеческих лицах.

Она не ожидала, что он это заметит.

— Нам обоим нужен план, — сказал Лев. — Настоящий. Не «он войдёт и закроет Порог» — это не план, это финал без середины. Мне нужно понять: как именно. Как технически. Шаги. Последовательность. Что я должен сделать, в каком порядке, и что именно произойдёт в каждый момент.

Образ: согласие. Без оговорок.

— Хорошо, — сказал Лев. — Тогда начнём.

Но прежде, чем Морра начала трансляцию, Лев посмотрел на окно — уже темнело, суббота заканчивалась — и сказал тихо, почти себе:

— Кастиэль устал изнутри. Я устаю снаружи. Может быть, это не случайно. Может быть, это условие.

Морра замерла.

— Что если войти можно только тогда, когда по-настоящему понимаешь, почему предыдущий вышел? — спросил Лев. — Не осуждая. Понимая.

Долгое молчание.

Потом — образ. Тихий, глубокий, как что-то, что Морра знала всегда, но никогда не формулировала. Не потому, что скрывала — потому что сама не находила для этого слов.

Слова нашёл Лев.

И в тот момент, когда он их произнёс — свечение на его руке стало ярче.

Как будто что-то внутри него наконец решило, что он готов.

А снаружи, в темнеющем городе, у подъезда один за другим появлялись охотники — молча, терпеливо, как появляются те, кто знает: время почти вышло. Их было больше, чем вчера. Намного больше.

И Порог — где-то в трёх кварталах отсюда — трещал уже не тихо.

Он трещал так, что это слышали кошки. Все кошки в ра-

диусе километра одновременно подняли головы.

Только одна из них знала почему.

Последний шанс

Ночь выдалась насыщенной.

Не в хорошем смысле — в том смысле, в котором бывают насыщенными ночи перед чем-то, от чего нельзя отвернуться: плотными, тягучими, наполненными мелкими событиями, каждое из которых само по себе незначительно, но все вместе складываются в очевидный вектор. Как данные в таблице, которую смотришь строку за строкой и думаешь «ну и что», а потом видишь итог в последней строке — и понимаешь, что всё говорило именно об этом с самого начала.

В час ночи лопнула ещё одна трещина.

Лев почувствовал это физически — как толчок в грудную клетку, тупой и короткий, как удар локтем. Морра почувствовала одновременно с ним: она спала на краю дивана — редкость, как она сама транслировала, — и вскочила мгновенно, не просыпаясь постепенно, как просыпаются нормальные кошки, а сразу — вертикально, с открытыми глазами.

Они посмотрели друг на друга.

— Где? — спросил Лев.

Образ: два квартала на север. Переулок у старой церкви, которую не снесли и не реставрировали, а просто законсервировали лет сорок назад и забыли.

— Это третья за неделю, — сказал Лев.

Подтверждение.

— Они ускоряются.

Подтверждение — и с ним образ, которого Лев не просил, но получил: не просто ускоряются. Синхронизируются. Трещины начинают работать как система — каждая новая увеличивает нагрузку на соседние участки. Эффект домино, только в ткани реальности.

— Сколько трещин нужно, чтобы Порог рухнул полностью?

Образ: число размытое, неточное. Не в трещинах дело — в ритме. Если ритм разрушения превысит критический порог, дальше пойдёт лавинообразно. Как обрушение плотины: держится, держится, держится — и потом сразу всё.

— И мы близко к этому ритму?

Долгая пауза.

— Морра.

— Мы уже в нём, — произнесла она.

Не образом. Словами.

Лев замер.

Это был второй раз, когда он слышал её голос — первый был у разлома, его имя, произнесённое как предупреждение. Сейчас голос был другим: не срочным, не кричащим. Тихим, чуть хрипловатым, как голос бывает у того, кто давно не говорил вслух, — и очень усталым. Не ситуативно усталым, а фундаментально, как устаёт камень под многовековой на-

грузкой.

— Ты можешь говорить, — сказал Лев.

— Могу, — сказала Морра. — Это требует усилий. Я берегла их.

— Для чего?

— Для этого разговора.

Пауза. Лев не перебивал — он понял: она готовилась. Давно готовилась. К этой ночи, к этому моменту. Возможно — с того самого утра, когда появилась на его подоконнике.

— Я нарушу правило, — сказала Морра. — Древнее правило хранителя. Хранитель не открывает своей природы до момента выбора носителя. Я нарушу его сейчас, потому что у тебя не будет времени понять это самому — а тебе нужно понять.

— Говори, — сказал Лев.

Морра встала. Прошла по дивану. Остановилась прямо перед ним — маленькая, чёрная, с жёлтыми глазами, в которых что-то медленно менялось. Не в смысле цвета — в смысле глубины. Как будто за ними открывалось пространство, которого не должно быть за кошачьими глазами.

— Я не хранитель Порога, — сказала она. — Я часть Порога.

Лев не ответил. Ждал.

— Порог — это не место и не объект, — продолжила Морра. — Это структура. Живая структура, которая требует двух полюсов для существования. Внутренний хранитель и внеш-

ний хранитель — это не охранники у двери. Это полюса магнита. Без обоих — нет поля. Нет поля — нет мембраны.

— И ты — внешний полюс, — сказал Лев медленно.

— Я и есть внешний полюс, — сказала Морра. — Форма менялась — кошка, человек, несколько веков подряд — птица, что было неудобно. Но суть одна: я существую, пока существует Порог. Я держу его снаружи своим существованием. Не действиями. Просто — существованием.

— Значит, если Порог рухнет...

— Я тоже, — сказала Морра просто.

Лев посмотрел на неё с недоверием.

— Вот почему ты сожалела, — сказал он наконец. — Не потому, что мне придётся войти. Потому что, если я не войду — ты исчезнешь вместе с Порогом. Ты была заинтересована с самого начала. Никакого альтруизма.

— Да, — сказала Морра.

Одно слово. Без оправданий.

— Это честно, — сказал Лев после паузы. — Я ценю честность.

— Я должна была сказать раньше.

— Да. Должна была.

— Я боялась, что ты откажешься, если узнаешь, что я тоже выигрываю.

— Это была глупая логика, — сказал Лев. — Люди не отказываются от правильных вещей только потому что кто-то другой тоже выигрывает. Нормальные люди — не отказыва-

ются.

Морра смотрела на него.

— Я провела семь веков среди людей, — сказала она тихо.

— Не всегда нормальных.

— Справедливо, — согласился Лев.

Он встал. Прошёлся по комнате — привычный уже маршрут: от дивана к окну, от окна к полке, от полки обратно. За окном город спал — или делал вид, что спит, потому что города в XXII веке на самом деле не спали, просто переключались в ночной режим.

— Ты сказала, что нарушишь правило, — сказал он. — Одно правило. Значит, есть ещё.

— Есть, — сказала Морра.

— Какое самое важное?

Долгая пауза.

— Хранитель не может пожертвовать собой вместо носителя. Это запрещено механикой системы — не моральным кодексом, именно механикой. Полюса не взаимозаменяемы. Я не могу войти вместо тебя.

— Ты пробовала? — спросил Лев.

Пауза — такого качества, что ответ был очевиден.

— Пробовала, — сказал он. — Понятно.

— В прошлых циклах, — сказала Морра тихо. — Когда носители отказывались. Я пыталась найти способ. Нет способа.

— Сколько носителей отказывалось?

Она не ответила сразу. Потом:

— Трое.

— Что происходило?

— Порог рушился частично. Каждый раз — восстанавливался. Не полностью. Каждый раз — немного хуже. То, что происходит сейчас — следствие трёх частичных обрушений за семь веков плюс уход Кастиэля. Система изношена. Четвёртого обрушения она не выдержит.

Лев остановился у окна.

— Значит, это финальный цикл, — сказал он. — Либо сейчас — либо никогда. Либо я вхожу — либо Порог рухнет окончательно.

— Да, — сказала Морра.

— И ты знала это, когда пришла ко мне.

— Да.

— Поэтому и пришла именно ко мне, — сказал он, имея в виду не Морру, а того, кто её послал — или то, что её послало. — Потому что я последний носитель с достаточно сильным... Других нет.

— Других нет, — подтвердила Морра.

Лев смотрел в окно. Думал о троих носителях, которые отказались. О Кастиэле, который не отказался — который вошёл и провёл внутри столько, что вышел сломанным. О Морре, которая пережила всё это, каждый раз начиная сначала, каждый раз приходила к новому человеку с надеждой — единственным инструментом, который у неё оставался.

— Тебе страшно? — спросил он.

Морра посмотрела на него с удивлением — живым, настоящим, не транслированным.

— Тебе страшно прямо сейчас? — повторил Лев. — Не абстрактно. Именно сейчас, этой ночью.

— Да, — сказала она.

— Хорошо, — сказал Лев. — Мне тоже.

Он отошёл от окна. Сел обратно на диван — не тяжело, как раньше, а спокойно, с тем качеством спокойствия, которое бывает после принятого решения. Не до принятия — именно после. Когда самое сложное уже позади.

— Ты говорила про правило, которое нарушишь, — сказал он. — Ты уже его нарушила — рассказала о своей природе. Или есть ещё что-то?

Морра помолчала.

— Есть, — сказала она наконец.

— Говори.

— Хранитель не может участвовать в закрытии Порога активно, — сказала Морра медленно, как говорят вещи, которые долго держали в себе. — Только сопровождать носителя до точки входа. Дальше — носитель один.

— Это правило ты тоже хочешь нарушить.

— Я уже решила нарушить, — сказала Морра. — Ещё три дня назад.

— Что это даст?

— Возможно — ничего. Механика не изменится. Ты всё

равно должен будешь войти сам — я не могу войти вместо тебя, это физически невозможно. Но я могу войти вместе с тобой. До точки невозврата — и остаться там на время, пока ты не закрепиться внутри.

— Что произойдёт с тобой?

— Я стану частью Порога полностью, — сказала Морра.

— Не полюсом снаружи. Частью структуры изнутри. Форма исчезнет — кошка, голос, всё это. Останется только функция.

— Ты исчезнешь, — сказал Лев.

— Я трансформируюсь, — поправила Морра. — Это не то же самое, что исчезнуть. Хотя похоже.

— С твоей точки зрения — похоже?

— С моей точки зрения — да.

Лев долго молчал.

— Зачем? — спросил он наконец. — Если механика не меняется — зачем? Что это даст мне практически?

— Ориентацию, — сказала Морра. — Внутри Порога — темнота. Ты это знаешь — ты помнишь. Кастиэль знал её семь веков и всё равно потерялся. Если я буду там с тобой — хотя бы в начале — ты не потеряешься сразу. У тебя будет время найти равновесие.

— Время, — повторил Лев. — Не выход. Просто время.

— Просто время, — согласилась Морра.

— Это не так мало, как звучит, — сказал Лев.

— Нет, — согласилась она. — Не так мало.

За окном в предрассветной темноте что-то изменилось — тонко, почти неуловимо. Лев почувствовал это раньше, чем осознал: качество тишины снаружи стало другим. Плотнее. Охотники у подъезда — их было уже не двое и не трое, он знал это без подтверждения, знал той частью себя, которая помнила Порог — молчали, но их молчание стало другим. Не ожидающим. Знающим.

Они тоже чувствовали: время.

— Морра, — сказал Лев.

— Да.

— Если ты войдёшь вместе со мной — внешний полюс исчезнет. Ты сама сказала: без обоих полюсов нет поля. Что удержит Порог снаружи, если тебя не будет?

Долгое молчание.

Такое долгое, что Лев уже думал, что она не ответит.

— Ничего, — сказала наконец Морра. — Какое-то время — ничего. Пока внутренний хранитель не закрепится достаточно, чтобы держать Порог изнутри одним полюсом. Это возможно — теоретически. Кастиэль делал это в первые годы, до того, как система устоялась.

— Это опасно.

— Это очень опасно, — сказала Морра. — Это окно уязвимости. Если что-то успеет прорваться в этот момент — в промежутке между моим исчезновением снаружи и твоим укреплением внутри...

— Тогда всё было зря, — закончил Лев.

— Да.

— Но ты всё равно решила это сделать.

— Да.

— Потому что без твоей помощи я могу потеряться раньше, чем закреплюсь — и тогда тоже всё зря.

— Да.

— Это называется выбор между двумя рисками, — сказал Лев. — Ты выбрала тот, при котором у меня больше шансов.

— Я выбрала тот, при котором у нас больше шансов, — поправила Морра. — Это разные вещи.

Лев посмотрел на неё — маленькую, усталую, древнюю, принявшую решение нарушить правила, которым следовала семь веков, ради того, чтобы дать ему чуть больше времени в темноте.

— Ты хороший хранитель, — сказал он.

Морра моргнула. Медленно. И в этом моргании было что-то — не благодарность, не смущение. Что-то тише. Что-то, для чего у кошек не было слов, а у людей — только очень неточные.

— Мне нужно знать всё про точку входа, — сказал Лев. — Технически. Шаг за шагом. Прямо сейчас.

— Прямо сейчас, — согласилась Морра.

И рассказала.

Они говорили до рассвета. По-настоящему говорили — голосом, словами, вопросами и ответами. Морра говорила с трудом — это действительно требовало усилий, Лев слы-

шала это по паузам между словами — но говорила всё. Без дозирования, без фильтров, без «ты не готов». Техника входа, механика закрытия, ощущения в первые минуты внутри, ориентиры, за которые можно держаться в темноте — всё, что она знала. И несколько вещей, которые не знала — сказала об этом прямо, без уклонения.

Лев слушал и запоминал.

Когда за окном начало светать — не красиво, не торжественно, а просто: темнота стала чуть менее тёмной, потом серой, потом серо-синей — Лев закрыл глаза и сидел так несколько минут.

Морра молчала рядом.

— Один вопрос, — сказал он наконец.

— Да.

— Та часть правды, которую ты держала дольше всего, — сказал Лев. — Про то, чем ты пожертвуешь. Ты боялась, что я откажусь из-за тебя. Не из-за себя — из-за тебя. Что я не захочу, чтобы ты исчезла.

Морра не ответила.

— Это была правильная логика, — сказал Лев. — Ты угадала.

Тишина.

— Но это не меняет ничего, — добавил он тихо. — Потому что ты уже решила. И я уже решил. И времени на то, чтобы придумать третий вариант, нет.

— Нет, — согласилась Морра.

— Тогда идём.

Он встал. Надел куртку — снова автоматически, снова понимая, что куртка сейчас наименее важная часть происходящего, но иногда нужны именно такие жесты. Простые, человеческие, обычные.

Морра спрыгнула с дивана.

У двери Лев остановился. Огляделся — квартира, шестой этаж, умные жалюзи начали открываться по расписанию, пропуская первый серый свет. Полка с бумажными книгами. Голографический ноутбук в режиме ожидания. Чашка с остатками вчерашнего кофе на столе.

Обычная квартира обычного человека.

— Знаешь, что странно? — сказал он.

Морра смотрела на него.

— Я не прощаюсь. Мне казалось, что в такой момент нужно прощаться — с вещами, с местом. В кино всегда прощаются.

— Ты не умираешь, — сказала Морра.

— Нет, — согласился Лев. — Просто меняю адрес.

Он открыл дверь.

Они вышли в раннее утро — серое, прохладное, пахнущее рекой. Охотники у подъезда расступились, пропуская их. Молча. Без движения. Просто — дали пройти.

Это было хуже, чем если бы они напали.

Это означало: они знали, куда он идёт.

И они были готовы ждать у разлома.

Выбор

Разлом изменился.

Лев увидел это сразу, ещё с угла переулка — за три дня трещина выросла вдвое. Теперь она шла не вертикально, а под углом, как трещина в стекле после второго удара: основная линия и от неё — паутина мелких, расходящихся в стороны. Края стали менее чёткими — размытыми, как будто граница между этой стороной и той начала терять уверенность в себе. Темнота за ними была другой: не матовой, как раньше, а живой. Подвижной.

Тьма знала, что они пришли.

Переулок был пустым — в этом районе в шесть утра воскресенья людей не бывало в принципе. Умные фонари ещё горели, но как-то неуверенно, мигая в ритме, который не совпадал ни с одним стандартным циклом. Где-то за углом капала вода — монотонно, терпеливо. Запах старого камня и чего-то озонового, острого, как воздух перед грозой.

Охотники стояли по периметру.

Лев насчитал восемь. Потом перестал считать — это казалось неважным. Они не двигались, не говорили. Просто стояли, как стоят зрители у сцены за несколько секунд до начала спектакля: с ожиданием, которое уже перешло в неподвижность.

Морра шла рядом — не позади, не впереди. Рядом.
— Они не будут мешать, — сказала она тихо.

— Знаю, — сказал Лев.

— Они ждут окна уязвимости.

— Знаю.

— Если я войду с тобой — окно откроется сразу. У тебя будет...

— Морра, — перебил Лев. — Я знаю. Мы говорили об этом три часа.

Она замолчала.

Они остановились в пяти метрах от разлома. Именно там, где Морра останавливалась в прошлый раз — та же точка, та же дистанция. Как будто пространство помнило.

Лев смотрел на трещину.

Темнота за ней смотрела в ответ.

И потом — шёпот. Но не тот, что раньше: не тихий, не соблазняющий, не обволакивающий. Другой. Прямой, как вопрос в лоб, без лишних слов:

Кастиэль.

Лев почувствовал, как часть его отзывается — та самая, которую он перестал гнать у Фонтанки. Тёплая, знакомая, как старый шрам, который уже не болит, но всегда ощущается при смене погоды.

— Я слышу тебя, — сказал он. — Но я не Кастиэль.

Темнота ждала.

— Я несу его след. Его память. Его усталость — я понял её, я чувствую её. Но я — не он. Я не сделаю то, что сделал он. Не потому, что он был неправ — он был сломан, и это

разные вещи. Я просто — не он.

Тишина за разломом была другой — не враждебной. Скорее — оценивающей.

— Они молчат, — сказал Лев Морре.

— Они слушают, — сказала она.

— Хорошее начало.

Он сделал шаг вперёд.

Темнота за трещиной мгновенно изменилась — стала плотнее, ближе, как будто приближение работало в обе стороны. Лев почувствовал знакомое тяжёлое давление в грудной клетке — не угрожающее, просто объективное: там другие правила. Другой воздух. Другой вес реальности.

Он знал это давление. Кастиэль знал его семь веков.

— Вопрос, — сказал Лев — не Морре, не охотникам. Разлому. — У меня один вопрос.

Темнота слушала.

— Кастиэль вышел, — сказал Лев. — Вы его отпустили. Вы могли не отпускать — он был внутри, он был частью структуры. Но вы дали ему выйти. Почему?

Молчание — долгое, почти невыносимое.

Потом шёпот. Не слова — образ, прямо в сознание, без перевода: не «отпустили». Он нашёл способ. Сам. Они не помогали и не мешали. Просто — нашёл.

— Значит, выход существует не теоретически, — сказал Лев. — Он нашёл его. Значит, найти можно.

Образ снова: да. Можно. Кастиэль нашёл. Ценой чего —

темнота не показывала, но молчание было достаточно красноречивым.

— Ценой ордена, — сказал Лев. — Ценой печатей. Ценой того, что Порог начал разрушаться.

Ни подтверждения, ни отрицания. Просто — тишина.

— То есть выход есть, — сказал Лев. — Но каждый раз он стоит слишком дорого.

Он обернулся к Морре.

— Ты знала про это?

— Догадывалась, — сказала она. — Не знала точно.

— Почему не сказала о догадке?

— Потому что догадка без подтверждения — ложная надежда, — сказала Морра. — А ложная надежда опаснее правды.

— Это снова твоё решение о том, что мне нужно.

— Да, — сказала Морра. — Последнее. Обещаю.

Лев посмотрел на неё. Потом кивнул.

— Принято.

Он повернулся обратно к разлому.

Руки светились — обе теперь, не только правая. Ровно, уверенно, без пульсации. Как будто тело уже приняло решение и просто ждало, пока голова догонит.

— Хорошо, — сказал Лев. — Тогда вот что.

Он заговорил — не с Морой, не с охотниками. С темной. Тихо, чётко, как говорят с системой, которую нужно перепрограммировать, а не сломать:

— Кастиэль вышел, потому что выбрал. Я вхожу, потому что выбираю. Это разные механики — понимаете? Он нёс в себе усталость и шёл от неё. Я несу в себе понимание этой усталости — и иду к ней. Это меняет условия контракта.

Темнота молчала — но иначе. Не равнодушно. Внимательно.

— Кастиэль искал выход всё время, пока был внутри, — продолжил Лев. — Потому что он не выбирал войти — он просто оказался там, потому что так устроена система. Я выбираю сознательно. Это означает, что я вхожу с другим основанием. И с другим вопросом к вам.

Пауза.

Охотники за спиной не двигались. Ни один.

— Мой вопрос: что будет с Порогом через тысячу лет, если я войду сейчас и буду держать его изнутри в одиночестве так же, как Кастиэль? Он сломался через семь веков. Я сломаюсь раньше или позже. Это не угроза — это аналитика. Система с одним оператором, без ротации, без восстановления ресурса — нежизнеспособна. Вы это знаете.

Темнота слушала.

— Значит, нужна другая система, — сказал Лев. — Я вхожу — это данность. Морра трансформируется — это данность. Но что дальше? Что произойдет с внешним полюсом после Морры? Кто следующий хранитель снаружи?

Молчание — длинное, структурное. Как будто вопрос был задан впервые за семь веков, и темноте требовалось время,

чтобы найти ответ в тех слоях себя, где хранятся вещи, о которых давно не думали.

Потом образ: сложный, многослойный, почти перегружающий — Лев получал его и разбирал на ходу. Внешний хранитель не назначается. Внешний хранитель появляется. Всегда — появлялся. Морра не была первой в этой форме. До неё было другое. После неё — будет кто-то. Система не умирает с одним хранителем — система адаптируется. Медленно. Болезненно. Но адаптируется.

— Значит, будет следующий, — сказал Лев.

— Будет, — тихо подтвердила Морра у него за плечом.

— И этот следующий придёт к следующему носителю.

— Да.

— И цикл повторится.

— Да.

— Бесконечно.

Долгая пауза.

— Я не знаю, — сказала Морра честно.

Лев помолчал. Смотрел в темноту.

— Знаешь, что меня не устраивает в этой системе? — сказал он — уже не разлому, а просто в воздух, в серое утро переулка, в общую сумму всего происходящего. — Она работает за счёт жертв, которые не выбирали её полностью. Кастиэль не выбирал входить — его поставили туда. Орден не выбирал гореть. Морра не выбирала быть полюсом — она им стала. Я — единственный, кто выбирает с полным знанием.

И если уж я выбираю — я хочу, чтобы это что-то изменило в системе. Не только Порог закрыть. Изменить что-то в том, как она работает.

Темнота молчала.

— Это возможно? — спросил Лев.

Пауза — самая долгая из всех.

Потом — не образ, не слова. Что-то другое. Прямое, как прикосновение: возможно. Если — внутренний хранитель достаточно силён, чтобы удерживать Порог и одновременно работать с его структурой. Не просто держать — изменять. Это требует другого присутствия, чем то, что было у Кастиэля. Другой цели. Другого основания.

— Именно, — сказал Лев. — Я вхожу не чтобы держать Порог. Я вхожу чтобы починить его изнутри. Это разные задачи.

Он обернулся к Морре.

— Ты слышишь?

— Слышу, — сказала она — и в её голосе было что-то новое. Не просто усталость и не просто сожаление. Что-то острее. Почти — надежда. Та самая, которую она принесла к нему на подоконник в шесть утра три недели назад и которую берегла, как берегут последнее.

— Тогда идём, — сказал Лев.

Он сделал ещё один шаг к разлому.

И остановился.

Потому что шёпот вернулся — но не тот. Не из темноты.

Из себя. Из той части, которая была Кастиэлем, которая помнила семь веков внутри, которая знала эту темноту лучше, чем любой живой человек.

И эта часть говорила не «уйди». Не «войди». Она говорила — тихо, почти беззвучно — что-то одно:

Не повтори мою ошибку.

— Какую? — спросил Лев шёпотом.

Я вошёл один. Я держал всё сам. Я не просил о помощи — потому что некого было просить. Не повтори.

Лев стоял неподвижно.

Потом повернулся к Морре.

— Ты войдёшь со мной, — сказал он. — Не до точки невозврата. До конца.

— Это невозможно механически, — сказала Морра. — Я говорила — внешний полюс не может...

— Ты уже решила нарушить правило, — перебил Лев. — Нарушь его полностью. Не наполовину.

Молчание.

— Морра. Кастиэль сломался потому что был один. Ты говорила — я не буду одним в начале. Но начало закончится. Что потом?

— Потом — темнота и ты.

— Нет, — сказал Лев. — Темнота, ты и я. Ты — часть структуры. Изнутри. Ты же сама сказала: трансформируешься в часть Порога. Это не исчезновение — ты сама поправила. Это изменение формы. Если ты — часть структуры, а я

— внутри структуры, то ты рядом. Всегда.

Морра смотрела на него уже с пониманием.

— Ты переформулировал механику, — сказала она наконец.

— Я аналитик, — сказал Лев. — Это моя работа.

Что-то в её глазах изменилось — резко, как меняется свет, когда из-за туч выходит солнце. Не радость — что-то глубже радости. Облегчение такого масштаба, что оно выглядело почти как боль.

— Ты не один из тех троих, которые отказались, — сказала она тихо.

— Нет, — сказал Лев.

— И ты не Кастиэль.

— Нет.

— Тогда идём, — сказала Морра.

Они подошли к разлому вместе.

Темнота за ним была совсем близко — Лев чувствовал её дыхание, если у темноты бывает дыхание. Холодное, широкое, бесконечное. Не злое. Просто — другое.

Охотники за спиной не двигались. Один из них сделал шаг вперёд — и остановился. Что-то его удержало: не физически, просто — остановился. Как будто понял что-то в последний момент.

Лев посмотрел на разлом.

Разлом смотрел в ответ.

— Я Лев Серов, — сказал он — негромко, чётко, для про-

токола. — Аналитик данных. Двадцать восемь лет. Петербург. Информационный след Кастизеля, последнего внутреннего хранителя. Вхожу добровольно, с полным знанием условий, с намерением не просто держать Порог — но изменить систему его поддержания. Это мой выбор.

Пауза.

Потом — из темноты, тихо, почти вежливо:

Принято.

Лев сделал шаг.

И темнота приняла его — не как поглощение, не как падение. Как вход. Как дверь, которая открывается именно для тебя именно тогда, когда ты наконец знаешь, зачемходишь.

Морра вошла вместе с ним.

Снаружи — в переулке, в сером петербургском утре — охотники стояли неподвижно секунду. Две. Три.

Потом — медленно, один за другим — начали растворяться. Не драматично, не со звуком. Просто уходили, как уходят тени, когда меняется свет: постепенно, без сопротивления.

Разлом оставался.

Темнота в нём пульсировала — ровно, почти успокаивающе. Как дыхание спящего. Как сердцебиение системы, которая получила то, что ей было нужно.

Потом края трещины начали сближаться.

Медленно. Очень медленно — как заживает рана, которая долго была открыта. Не мгновенно, не торжественно. Просто — постепенно, миллиметр за миллиметром, неотвратимо.

В переулке стало тихо.

Умные фонари наконец перестали мигать и погасли — рассвет взял своё.

Где-то за крышами запел первый городской дрон, выходя на утренний маршрут.

Обычное утро. Обычный город. Обычный XXII век, в котором наука уже официально допускала существование паранормального — но ещё не успела выработать к нему практического отношения.

А в трёх кварталах от набережной, в старом переулке у законсервированной церкви, реальность медленно зарастала.

Развязка

Внутри не было темноты.

Это было первое, что Лев понял — и это было неожиданно. Всё, что он знал про Порог изнутри: память Кастиэля, образы Морры, собственные сны с дверью — всё говорило о темноте. Глубокой, абсолютной, бархатной темноте без источника света и без надежды на него. Лев готовился к темноте — психологически, почти физически, как готовятся к прыжку в холодную воду: знаешь, что будет неприятно, но решил и прыгаешь.

Темноты не было.

Было — ничто.

Не пустота, не темнота, не пространство. Именно ничто — категория, для которой в человеческом языке нет точного

слова, потому что человеческий язык создавался для описания того, что есть, а не того, чего нет. Лев стоял в нем и понимал это ничто каждой клеткой тела — и одновременно не мог сказать, есть ли у него тело.

— Морра, — позвал он.

Голос не прозвучал. Не потому, что ничто поглотило звук — просто здесь не было среды для звука. Но намерение голоса — то, что стояло за словом до того, как оно становилось звуком — дошло. Лев это почувствовал.

Ответ пришёл не голосом — присутствием. Тёплым, знакомым, чуть хрипловатым даже без слов. Морра была здесь. Не рядом в физическом смысле — физического смысла здесь не было. Просто — была. Как константа. Как фоновое условие, которое не нужно проверять, потому что оно просто есть.

— Хорошо, — сказал Лев — не вслух, а тем же способом, которым говорил только что. Намерением.

Он попытался осмотреться — и понял, что «осмотреться» здесь не работает так, как работает снаружи. Зрение было, но оно воспринимало не свет и форму, а что-то другое. Структуру, может быть. Напряжение. Как чувствуешь присутствие человека в тёмной комнате — не видишь, но знаешь, что он здесь.

Порог был везде.

Не вокруг него — он был внутри него, или он был внутри Порога, или это было одно и то же. Граница между «я» и

«структурой» здесь была другой — тонкой, почти прозрачной. Лев потратил несколько секунд — или несколько часов, время здесь тоже работало иначе — на то, чтобы найти эту границу и убедиться, что она есть.

Она была.

Тонкая, но есть. Он — это он. Структура — это структура. Разные вещи.

— Первый ориентир, — сказал он намерением. — Я — отдельно от Порога. Зафиксировано.

Тепло Морры чуть усилилось — одобрение.

Потом Лев почувствовал трещины.

Не увидел — почувствовал. Как чувствуешь сквозняк в комнате, где должно быть тепло: откуда-то тянет холодом, и ты понимаешь — где-то щель. Трещин было много — больше, чем он предполагал снаружи. Разлом в переулке был самым большим, самым очевидным, но не единственным. Вся структура Порога была покрыта ими, как старая фаянсовая чашка, которую роняли много раз и каждый раз склеивали — и она держится, но по всей поверхности идёт паутина мелких трещин, которые не дают забыть, что она была разбита.

Семь веков. Три частичных обрушения. Уход Кастиэля.

— Это много работы, — сказал Лев.

Тепло Морры: да. Много.

— Ты знала?

Тепло: знала.

— И всё равно думала, что я справлюсь?

Тепло — сложное, многослойное. Не «да, справишься», не «не знаю». Что-то третье: я думала, что ты — первый, кто вошёл с правильным основанием. Это меняет шансы.

— Не гарантирует.

— Не гарантирует, — согласилась Морра.

Это была первая полная фраза, которую он от неё получил изнутри. Не образ, не намерение — фраза. Голос был другим — не хриловатым усталым голосом кошки, которая говорила с трудом. Чище. Как будто форма, требовавшая усилий, больше не мешала.

— Ты изменилась уже, — сказал Лев.

— Меняюсь, — поправила Морра. — Это не мгновенно.

— Тебе... больно?

Долгая пауза.

— Нет. Странно. Как будто одежда, которую носила очень долго, наконец спала.

— Кошачья шкура как одежда, — хмыкнул Лев. — Поэтически.

— Это было не только шкура, — сказала Морра. — Это была вся форма. Отдельность. Способность смотреть снаружи.

— Скучаешь?

— Ещё не успела, — сказала она. — Спроси через сто лет.

— Договорились.

Он вернулся к трещинам.

Их нужно было закрывать — это он понимал. Но как за-

крывают трещины изнутри структуры, которую никогда не чинили изнутри? Кастиэль держал Порог — просто держал, своим присутствием, своей силой, как держат плотину не ремонтируя, а просто стоя рядом и не давая воде прорваться. Это работало — до тех пор, пока хватало ресурса.

Лев подошёл к первой трещине — ближайшей, мелкой, но неприятной.

Потрогал её — намерением, не рукой, потому что руки здесь были другими. Трещина отозвалась: холодом с той стороны, давлением, лёгким подрагиванием структуры вокруг.

— Интересно, — сказал Лев.

— Что? — спросила Морра.

— Это как данные, — сказал он. — Это буквально как работа с данными. Трещина — это место, где паттерн нарушен. Где структура отклонилась от своей нормальной формы. Мне не нужно «держат» её — мне нужно найти, где паттерн сломался, и восстановить его.

— Никто так не думал об этом раньше, — сказала Морра.

— Потому что раньше не было аналитиков данных, — сказал Лев. — Семь веков назад был другой инструментарий. Магия, ритуалы, заклинания — всё это тоже работа с паттернами, просто с другим языком описания.

Он сосредоточился на трещине.

Попытался увидеть — не глазами, тем другим способом, который уже начинал казаться естественным — где именно паттерн нарушен. Это было похоже на поиск аномалии

в большом массиве данных: смотришь на общую картину, ищешь место, где что-то не вписывается в норму, находишь — и дальше уже понятно, что делать.

Он нашёл.

Небольшой участок, где структура Порога была не столько сломана, сколько — забыта. Как будто в этом месте что-то перестало поддерживаться, и паттерн просто начал распадаться от отсутствия внимания. Не от удара снаружи — от невнимания изнутри.

Лев направил туда часть своей силы — не всю, аккуратно, как вводят данные в систему точно, а не заливают всё сразу. Немного. Ровно столько, чтобы структура вспомнила, как должна выглядеть.

Трещина закрылась.

Не мгновенно — за несколько секунд. Медленно, как заживает порез: сначала края сближаются, потом поверхность выравнивается, потом остаётся только тонкая линия, потом и она исчезает.

— Получилось, — сказал Лев.

Морра молчала — но тепло её присутствия было таким, что молчание говорило достаточно.

— Следующая, — сказал Лев.

Он двигался по структуре Порога — от трещины к трещине, от маленькой к большой, учась по ходу. Каждая была немного другой: где-то паттерн забыт, где-то — намеренно нарушен снаружи, где-то — истончён до предела многовеко-

вой нагрузкой. Каждая требовала своего подхода. Лев искал его — и находил, потому что у него был правильный инструментарий и потому что рядом была Морра, которая знала эту структуру снаружи лучше, чем кто-либо.

— Ты видишь это место? — спрашивал он.

— Вижу. Это старое повреждение. Первое обрушение, триста лет назад.

— Что тогда произошло?

— Носитель отказался в последний момент. Порог схлопнулся частично. Это место никогда не восстанавливалось полностью.

— Теперь восстановится.

Он работал.

Время текло — Лев не знал как именно, сколько прошло снаружи. Минуты? Часы? Здесь это не имело значения, и он перестал отслеживать. Была только работа — конкретная, понятная, почти знакомая. Найти, понять, восстановить. Найти, понять, восстановить.

Между делом они разговаривали.

Не о Пороге — о разном. Лев спрашивал о том, о чём не успел спросить снаружи: как это — быть снаружи семь веков. Видеть, как меняется мир, как рождаются и умирают цивилизации, как то, что казалось вечным, оказывается временным. Морра рассказывала — теперь без усилий, теперь словами, и слова у неё были другими, чем те, которые она выдавливала из себя в квартире. Богаче. Точнее. Как будто

без формы кошки её язык тоже изменился.

— Ты видела Петербург, когда его строили? — спросил Лев, работая с очередной трещиной.

— Видела. Он тогда назывался иначе.

— Красиво было?

— Мокро, — сказала Морра. — Болота. Много болот. Но люди, которые его строили — они верили, что это будет что-то важное. Это было красиво само по себе.

— Вера в то, что делаешь что-то важное.

— Да.

— Ты верила в это — семь веков?

Долгая пауза.

— Не всегда, — сказала Морра честно. — Были периоды, когда я не верила ни во что. Просто делала, потому что нельзя было не делать.

— Это тоже вера, — сказал Лев. — Просто другая форма.

— Ты философствуешь, пока чинишь ткань реальности.

— Это называется многозадачностью, — сказал Лев. —

Ценный навык.

Морра что-то сделала — не смех, здесь не было смеха, но что-то функционально эквивалентное ему. Тепло с оттенком иронии.

— Ты первый хранитель, который шутит изнутри Порога, — сказала она.

— Надеюсь, не последний.

Он двигался к главной трещине — той, что была в пере-

улке снаружи. Через неё он вошёл. Она была самой большой, самой сложной, самой многослойной. Лев чувствовал её давно — с момента входа, как чувствуешь основной шум в аудиозаписи поверх всех остальных.

Подошёл.

Остановился.

— Это долго, — сказал он. — Это не удастся быстро закрыть.

— Нет, — согласилась Морра. — Это главный разлом. Он формировался с момента гибели ордена.

— Что мне нужно сделать?

— То же самое, — сказала она. — Но больше. И глубже. Тебе нужно вложить в неё не часть силы — основание. Ту часть, на которой держится всё остальное.

— Что это значит практически?

— Это значит — намерение, — сказала Морра. — Не действие, не силу. Намерение остаться. Не «я закрываю Порог» — «я здесь, потому что выбрал быть здесь». Намерение присутствия, а не намерение действия.

Лев стоял перед главным разломом и думал об этом.

Намерение присутствия.

Он — Лев Серов, аналитик данных, двадцать восемь лет, Петербург, лапша из пакетика и таблица с «3:17» в телефоне. Он — информационный след Кастиэля, последнего внутреннего хранителя, который семь веков держал и не выдержал. Он — человек, который три недели назад не знал, что

такое Порог, а сейчас стоит внутри него и собирается остаться навсегда.

Навсегда.

Он примерял это слово — как примеряют вещь, которая слишком большая для примерочной: не надеть полностью, только приложить к себе и посмотреть в зеркало.

— Морра, — сказал он.

— Да.

— Снаружи сейчас открыто окно уязвимости. Сколько у нас времени?

— Я не знаю точно. Несколько минут. Может быть — больше, если охотники ушли.

— Охотники ушли.

— Тогда больше. Но — конечное время.

— Понятно.

Он смотрел на разлом.

Разлом смотрел в ответ — и в этот раз в нём не было ни соблазна, ни угрозы. Просто — место, которое нужно закрыть. Работа.

Лев вспомнил детей с светящимся шаром на тротуаре — субботнее утро, звонкие голоса, абсолютная незащищённость и абсолютная уверенность в том, что мир вокруг неизблем. Вспомнил рекламный дрон над мостом: «Научитесь быть здесь и сейчас». Вспомнил Морру на подоконнике — маленькую, чёрную, с жёлтыми глазами и надеждой, которую она несла семь веков и берегла как последнее.

Вспомнил Кастиэля у горящей башни.

Не с осуждением — с пониманием. Теперь — с полным пониманием.

— Я понимаю тебя, — сказал он тихо, не Морре. — Теперь понимаю. Ты был один, и ты устал, и ты нашёл выход — единственный, который мог найти. Это не было предательством. Это было пределом.

Тишина внутри Порога.

А потом — что-то. Не голос, не образ. Что-то тоньше: как будто часть его, которая носила имя Кастиэль, чуть изменилась. Не исчезла — изменилась. Стала легче. Как будто она несла что-то, что наконец положила.

— Ты свободен, — сказал Лев. — Иди.

И эта часть — тихо, без драмы, без прощания — ушла.

Лев стоял один. Чувствовал себя собой. Только собой — без наложения чужого следа, без фонового имени за левым плечом. Просто Лев Серов. Аналитик данных.

Который выбрал остаться.

— Морра, — сказал он.

— Здесь, — сказала она.

— Ты всё ещё здесь.

— Я часть структуры, — сказала она. — Ты — внутри структуры. Ты сам это сформулировал.

— Значит, мы рядом.

— Рядом, — согласилась она. — Всегда.

— Хорошо, — сказал Лев.

И направил намерение в разлом.

Не силу — основание. Не «я закрываю» — «я здесь». Не действие — присутствие. Простое, необратимое, добровольное.

Я здесь. Я выбрал это. Я остаюсь.

Разлом начал закрываться.

Медленно — значительно медленнее, чем мелкие трещины. Он и должен был закрываться медленно — он был слишком большим, слишком старым, слишком много в него вошло. Три недели роста плюс три века накопленного ущерба плюс уход Кастиэля — это не закрывается за секунду.

Но закрывалось.

Лев чувствовал это всем — тем, что было им внутри Порога, тем, чем он становился в этой структуре. Края сближались. Темнота с той стороны — та самая, которая предлагала силу и ответы — отступала. Не побеждённой, не в панике. Просто — за границу. Туда, где ей и место.

— Ты держишь? — спросила Морра.

— Держу, — сказал Лев. — Это не так страшно.

— Нет, — согласилась она. — Не так страшно. Просто — долго.

— Долго я умею, — сказал Лев. — Я два месяца вёл таблицу пробуждений в три семнадцать. У меня хорошая усидчивость.

— Это пригодится.

— Я знаю.

Снаружи — в переулке у законсервированной церкви, в сером петербургском воскресенье — разлом закрывался. Медленно, неотвратно, миллиметр за миллиметром. Паутина мелких трещин вокруг него тоже затягивалась — сначала самые мелкие, потом крупные. Воздух в переулке менял качество: становился обычным, городским, без озонового привкуса и без той плотной нагруженности прошлым, которая была здесь раньше.

Умные фонари погасли окончательно — за ненадобностью.

Рассвет взял переулок в своё владение.

Первый прохожий — пожилой мужчина с собакой, который ходил этим маршрутом каждое воскресенье и не замечал разлома, потому что не умел его видеть — прошёл мимо. Собака остановилась, понюхала воздух, чихнула — и потянула поводок дальше.

Обычное утро.

Обычный город.

Обычный XXII век, в котором Порог между мирами закрылся тихо и без свидетелей в шесть сорок две воскресного утра в переулке, о котором никто не знал ничего интересного.

Кроме одного человека.

Который теперь был внутри.

И — что было важно, что было ново, что никогда не было правдой ни для одного предыдущего хранителя — был там

не один.

В квартире на шестом этаже умные жалюзи открылись по расписанию. Кофемашина запустила утренний цикл — тоже по расписанию, потому что умный дом не знал, что хозяин не вернётся за кофе. На столе осталась чашка с вчерашними остатками. На диване — вмятина от кошки, которая сидела здесь ещё несколько часов назад.

На подоконнике — ничего.

Окно было закрыто.

Снаружи шёл дождь — тихий, ровный, петербургский. Вода падала сверху вниз, потому что гравитация. Никакой мистики. Просто вода и гравитация.

И всё было — правильно.

Новый круг

Шёпот появился в среду.

В 11:43 утра, в совершенно рабочее время, когда Алина Кравец сидела в офисе на четвёртом этаже бизнес-центра на Васильевском острове и смотрела в экран с квартальным отчётом, который не сходиллся на семнадцать рублей сорок копеек — сумму, которая не имела никакого значения в масштабах компании, но которую Алина принципиально не могла оставить в покое.

Бухгалтеры — такие люди.

Шёпот был тихим. Почти неразличимым. Алина решила, что это кондиционер — старый, установленный ещё в про-

шлом десятилетия, когда умные системы климат-контроля ещё не вошли в стандартную офисную комплектацию. Кондиционер иногда издавал звуки, которые при желании можно было принять за речь. Это не было тревожным — это было просто старым оборудованием.

Она вернулась к отчёту.

Через три минуты шёпот повторился.

На этот раз Алина его не проигнорировала — не потому, что испугалась, а потому что семнадцать рублей сорок копеек наконец нашлись, настроение улучшилось, и она могла позволить себе отвлечься. Огляделась. Коллеги работали, никто не смотрел в её сторону. Окно закрыто. Кондиционер молчал — как раз взял паузу, что само по себе было редкостью.

Шёпот шёл ниоткуда. Или отовсюду. Или — это уже казалось совсем странным — изнутри.

— Я слишком давно не была в отпуске, — сказала Алина вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Коллега за соседним столом поднял голову.

— Что?

— Ничего. Думаю вслух.

— А, — сказал коллега и вернулся к своему экрану.

Алина тоже вернулась к своему.

Шёпот не прекратился — он стал тише, почти фоновым, как звук, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать, но который никуда не девается. Алина проработала ещё два ча-

са, пообедала в кафе на первом этаже, вернулась, закрыла квартальный отчёт, открыла следующий — и только в четыре часа дня, когда собралась уходить и надевала куртку у входа, поняла, что шёпот не был случайным.

Потому что он знал её имя.

Не «Алина» — другое. Имя, которого она не знала, которого не было ни в одном документе, ни в одной базе данных, ни в одном архиве. Имя, которое, тем не менее, она узнала с первого раза — как узнают мелодию, которую не слышали много лет, но которая моментально откликается в чём-то глубоком и безапелляционном.

Она застегнула куртку.

Вышла из офиса.

На улице был ноябрь — петербургский, то есть мрачный, мокрый, с ветром, который приходил со стороны залива и имел личные претензии к прохожим. Алина шла к метро привычным маршрутом: мимо старых домов, мимо нового торгового центра с умным фасадом, мимо сквера, где летом можно было сидеть, а сейчас сидеть не хотелось.

Шёпот шёл рядом.

У входа в метро Алина остановилась.

Не потому, что что-то произошло — потому что почувствовала: если она сейчас войдёт в метро, поедет домой, приготовит ужин, посмотрит что-нибудь перед сном и ляжет спать — шёпот не прекратится. Он будет завтра, и послезавтра, и через неделю. Потому что это — не кондиционер. И

не усталость. И не отсутствие отпуска.

Это — что-то другое.

Она достала телефон. Открыла карту — не зная зачем, просто потому что когда не знаешь, куда идти, карта создаёт иллюзию выбора. Смотрела на улицы, на кварталы, на реку.

И поняла — знала — куда нужно идти.

Район старой застройки. Три квартала от набережной. Переулок у консервированной церкви.

Она понятия не имела, откуда знает это место. Никогда там не была. Оно не числилось ни в каких её маршрутах, ни в каких воспоминаниях. Просто — знала. С той же уверенностью, с которой знала, где лежат ключи, и как зовут её кошку, и сколько ехать до работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.